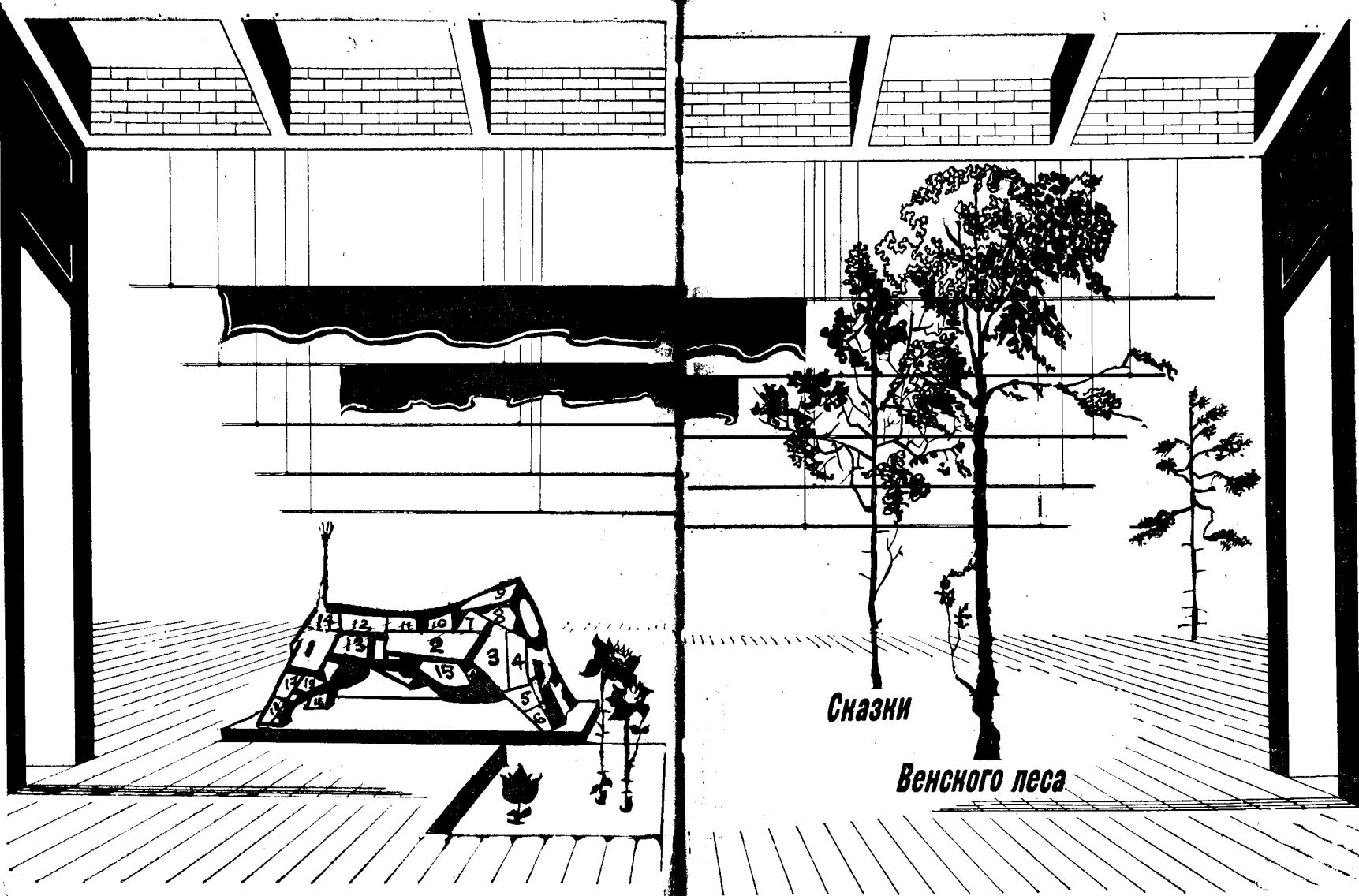

Сказки Венского леса

Народная пьеса в трех частях

Сказки

Венского леса

*Ничто не дает
чувство бесконечности
так, как глупость.*

Действующие лица

Альфред.
Его мать.
Его бабушка.
Фердинанд Хирлингер.
Валерия.
Оскар.
Ида.
Гавличек.
Ротмистр.
Почтенная дама.
Марианна.
Цауберкёнig, ее отец.
Две тетушки.
Эрих.
Эмма.
Елена.
Посыльный.
Баронесса.
Исповедник.
Мистер.
Конферансье.

*Действие пьесы происходит в наши дни, в Вене,
а именно в Венском лесу и предместье Вахау.*

Часть первая

1 В предместье Вахау

Домик у подножия горы, на которой виден полуразрушенный замок. Альфред сидит на воздухе и с благословенным аппетитом поглощает хлеб с маслом и простоквашу, его мать подает ему нож поострее. В воздухе щебет и звон, словно доносятся отзвуки вальса «Сказки Венского леса» Иоганна Штрауса. А поблизости протекает прекрасный голубой Дунай. Мать смотрит, как Альфред ест, потом вдруг хватает его за руку, в которой он держит нож, и пристально смотрит ему в глаза. Альфред, поперхнувшись, с полным ртом недоверчиво смотрит на нее. Молчание.

Мать (медленно поглаживая его по голове). Милый Альфред, какой ты молодец, что не совсем забыл свою мать, мальчик ты мой...

Альфред. Где ж это — совсем забыл? И давно бы уже выбрался, и не раз, да все не собраться — до того ли в наше время, сплошной кризис и неразбериха! И если бы не мой приятель, Хирлингер Фердинанд, с его кабриолетом, бог знает когда бы мы еще увиделись.

Мать. Как это мило со стороны твоего друга, господина фон Хирлингера.

Альфред. Он вообще человек приятный. Заедет за мной через полчасика.

Мать. Уже?

Альфред. Увы!

Мать. Ну тогда не ешь всю простоквашу, мне больше нечем его угощать.

Альфред. Хирлингер Фердинанд вообще не ест простоква-

шу — у него хроническое отравление никотином. Коммерсант он отменно порядочный. Я с ним часто имею дело.

Мать. Бизнес?

Альфред. И это тоже.

Пауза.

Мать. Ты еще в банке работаешь?

Альфред. Нет.

Мать. А где же?

Пауза.

Альфред. В чиновники я не гожусь — слишком уж мало там возможностей для самораскрытия. Работа в старом смысле больше не рентабельна. Кто сегодня хочет чего-нибудь добиться, должен работать чужими руками. Я добился самостоятельности. Финансирование — и все такое прочее... (Поперхнувшись, сильно кашляет.)

Мать (стучит ему по спине). Нравится?

Альфред. Чуть не задохнулся.

Мать. Значит, нравится. Уж как я рада.

Пауза.

Альфред. Чуть не задохнулся... Кстати, куда это наша милая бабушка запропастилась?

Мать. Да вроде бы молится на кухне.

Альфред. Молится?

Мать. Страх ее замучил.

Альфред. Страх?

Пауза.

Мать. Не забудь поздравить ее — в будущем месяце ей восемьдесят. Уж если не поздравишь, у нас здесь опять будет тарарак. Ты ведь ее любимец.

Альфред. Я себе запишу. (Записывает в книжку.) Поздравить бабушку. Восемьдесят. (Встает, насытившись.) Воз-

раст библейский. (Смотрит на часы.) По-моему, пора. Хирлингер вот-вот появится. С ним еще дама.

Мать. Что за дама?

Альфред. Пожилая дама.

Пауза.

Мать. Сколько лет?

Альфред. Так, средне.

Мать. При деньгах?

Альфред. Я к ней отношения не имею.

Пауза.

Мать. Богатая партия не последнее дело. А ты все еще не нашел себе подходящую.

Альфред. Возможно. Иногда вдруг захочется, — чтобы этак детишки вокруг, но потом всякий раз я себе говорю: нет, этого не надо...

Появляется бабушка с крышкой от простокваша в руках.

Бабушка. Фрида! Фрида!

Мать. Ну что? Где пожар?

Бабушка. Кто это отпил от моей простокваши?

Мать. Я. Потому что Альфреду захотелось еще.

Пауза.

Бабушка. Еще? Еще? А меня и не спросили? Как будто меня уже нет на этом свете... (Матери.) На тебя это похоже!

Альфред (показывает ей язык). Бе-е-е!

Пауза.

Бабушка (показывает ему язык). Бе-е-е! (После некоторой паузы кричит.) Мне вообще больше ничего не нужно, раз так! Нате вам! (Выплескивает простоквашу.)

Появляется Хирлингер с Валерией, пятидесятилетней женщиной в дорожном костюме.

Альфред. Позвольте представить: моя мать — мой друг Фердинанд Хирлингер... госпожа Валерия... а это зот моя милая бабушка...

Мать. Как это мило с вашей стороны, господин фон Хирлингер, что вы привезли к нам Альфреда, я так вам благодарна, спасибо...

Хирлингер. Ну что там, господа! Само собой разумеется! Я бы мог привозить его сколько угодно — стоит ему сказать хоть слово...

Мать. Хоть слово?

Хирлингер. Разумеется... (Запинается, заметив, что сказал что-то не то.)

Неловкая тишина.

Валерия. Какая же у вас тут красотища...

Мать. Может быть, господа желают подняться на башню?

Хирлингер. На какую башню?

Мать. Да вот на нашу...

Хирлингер. Осмелюсь спросить, эти романтические руины — ваша собственность?

Мать. Нет, государственная. Мы лишь присматриваем здесь. Если господам угодно, я провожу вас наверх... Откуда путнику открываются великолепные виды, прекрасный обзор — все по инструкции.

Хирлингер. Ну конечно, с большим удовольствием! Вы очень любезны, мадам!

Мать (смущенно улыбаясь). Ну что вы, пожалуйста. (Валерии.) Госпожа пойдет с нами?

Валерия. Нет-нет, спасибо... Ужасно жаль, но я не могу на такую высоту, мне не хватает воздуха...

Мать. Ну, тогда до свидания! (Уходит с Хирлингером.)

Валерия (Альфреду). Могу я кое о чем спросить господина?

Альфред. В чём дело?

Бабушка садится за столик и прислушивается, но ничего не слышит.

Валерия. Ты опять обманул меня.

Альфред. Угодно еще что-нибудь?

Валерия. Хирлингер только что сказал мне, что на последних скачках в Сен-Клу выиграл номер двести двадцать второй, а не сто шестьдесят восьмой...

Альфред. Хирлингер лжет.

Валерия. А пресса тоже лжет? (Сует ему под нос газету. После паузы, с триумфом.) Ну, что?

Альфред. Нет, ты не подходящая женщина для меня. Ты просто отталкиваешь меня от себя такими методами..

Валерия. Ты сейчас же отдашь, что мне причитается. Двадцать семь шиллингов. Силь ву пле!

Альфред (отдавая ей деньги). Вуала!

Валерия. Мерси! (Пересчитывает деньги.)

Альфред. Мелочная особа.

Валерия. Я не особа! И с сегодняшнего дня я требую, чтобы ты всякий раз представлял мне квитанцию...

Альфред (прерывает ее). Ты только не заносись, пожалуйста!

Пауза.

Валерия. Альфред, ты не должен меня все время обманывать...

Альфред. А ты не должна все время подозревать меня — это подрывает наши отношения. Надо, в конце концов, понимать, что у молодого человека есть свои светлые и темные стороны, это нормально. И я тебе могу сказать по секрету: чисто человеческие отношения возможны только тогда, когда люди имеют что-нибудь друг от друга. Все прочее — че-пу-ха! А посему, я полагаю, нам не следует прерывать наши дружески деловые отношения лишь потому, что кто-то не совсем здоров...

Валерия (прерывает его). Фу, как тебе не стыдно! Фу...

Альфред. Ну вот видишь! Вот ты уже по-другому смотришь на вещи. Да иначе было бы и слишком легкомысленно с твоей стороны, чтобы не сказать — заносчиво! Что я де-

Лаю из твоей пенсий, госпожа вдова обер-секретаря канцелярии? Благодаря моим ипподромным связям, а? Моя счастливая рука приносит госпоже вдове обер-секретаря канцелярии жалованье действующего начальника канцелярии первого класса!.. Ну, что опять случилось?

Валерия (плач). Опять вспомнилась могилка.

Альфред. Чья могилка?

Валерия. Его. Как услышу — госпожа обер-секретарша канцелярии, так обязательно вспомню его могилку.

Пауза.

Я слишком плохо о ней заботчусь. Господи, она там совсем, наверно, разрушилась...

Альфред. Валерия, если я выиграю завтра в Мэзон-Лаффитте, то мы отремонтируем его могилку капитально. С тобой пополам.

Валерия внезапно целует ему руку.

Ну, зачем это...

Голос Хирлингера (с башни). Альфред! Альфред! Здесь замечательно, я уже спускаюсь!

Альфред (кричит). Я готов! (Смотрит на Валерию.) Что такое? Ты плачешь?

Валерия (плача). Ни чуточки... (Смотрится в зеркальце.) Боже, на что я опять похожа... Давно пора побриться. (Крахе, губы помадой, напевая «Траурный марш» Шопена.)

Бабушка. Альфред!

Альфред подходит к ней.

Когда ты теперь приедешь? Скоро?

Альфред. Конечно.

Бабушка. Так не люблю прощания, ты знаешь... Только бы с тобой ничего не случилось, часто мне бывает так страшно...

Альфред. Что со мной может случиться?

Пауза.

Бабушка. Когда же ты вернешь мне деньги?

Альфред. Как только они у меня появятся.

Бабушка. Они нужны мне.

Альфред. На что же тебе нужны деньги?

Бабушка. В будущем месяце мне исполнится восемьдесят... и я хочу, чтобы меня похоронили на мои собственные деньги, не надо мне ничьих подачек, ты меня знаешь...

Альфред. Ты только не беспокойся, бабуля!

2 Тихая уличка в восьмом квартале

Слева направо: солидная витрина мясной лавки Оскара с частями коровьих и телячьих туш, колбасами, окороками и свиными головами. Рядом с ней лавка игрушек с фирменной вывеской «К Цауберкёнигу» — с масками, черепами, куклами, ракетами, оловянными солдатиками и скелетом в окне. Далее — небольшая табачная лавка, перед дверями которой разложены газеты, журналы, почтовые открытки. Над лавкой игрушек — балкон в цветах, это квартира Цауберкёнига.

Оскар в белом фартуке стоит в дверях своей лавки и чистит ногти перочинным ножичком. Время от времени он прислушивается — на втором этаже кто-то играет на раздрызганном пианино «Сказки Венского леса» Иоганна Штрауса.

Ида, одиннадцатилетняя, миловидная, тощая, близорукая девочка, выходит с хозяйственной сумкой из мясной лавки, собирается повернуть направо, но потом останавливается у витрины с игрушками.

Вслед за ней из лавки выходит Гавличек, помощник Оскара, гигант с ручищами в крови и кровяными пятнами на фартуке, он сердито жует колбасу.

Гавличек. Дура набитая...

Оскар. Ты на кого?

Гавличек (указывая своим длинным ножом на Иду). Да эта

вот! Набитая дура! Говорит, моя кровяная колбаса стала хуже... Да я бы ее, ей-ей, взял и зарезал, чтоб она побегала тут с ножом в глотке, как вчерашняя свинья.

Оскар (улыбаясь). В самом деле?

И да ловит на себе взгляд Оскара; ей становится от него не по себе, и она стремительно убегает. Гавличек смеется. Слева появляется ротмистр — он в отставке со дня падения империи и с тех пор носит гражданскую одежду. Он здоровается с Оскаром. Оскар и Гавличек кланяются ему — в этот момент вальс кончается.

Ротмистр. Ну-с, должен заметить: вчерашняя кровяная колбаса — выше всяких похвал! First class!

Оскар. Нежная вещь, не правда ли?

Ротмистр. Поэма!

Оскар. Слыхал, Гавличек?

Ротмистр. Так это он, который?

Гавличек. Осмелюсь доложить, господин ротмистр: так точно!

Ротмистр. Мое почтение!

Гавличек. Господин ротмистр — настоящий знаток. Гурман. Светский человек.

Ротмистр (Оскару). Во время боя меня немало побросало по пределам старой монархии, но — не могу не заметить: это уровень. Уровень!

Оскар. Все дело в традиции, господин ротмистр!

Ротмистр. Когда б ваша матушка не почила в бозе так скотично, как бы она порадовалась теперь на своего сына.

Оскар (польщенно улыбаясь). Невероятно, что это случилось. Ротмистр. Всем нам когда-нибудь придется туда.

Оскар. Ровно год исполняется, как она уже там.

Ротмистр. Кто?

Оскар. Моя мама, господин ротмистр. Господь забрал ее после обеда, в половине третьего...

Пауза.

Ротмистр. И что же, прошел уже год?

Пауза.

Оскар. Простиги, ради бога, господин ротмистр, но мне надо переоблачиться для погребальной мессы. (Уходит.)

Ротмистр не реагирует, он занят своими мыслями. Пауза.

Ротмистр. Еще год... До двадцати годы идут шагом, до сорока — рысью, а после сорока — галопом...

Пауза.

Гавличек (снова жует). Похороны были пышные.

Ротмистр. Да, удачные... (Отходит от него, направляясь к табачной лавке, на секунду задерживается перед скелетом в лавке игрушек; в этот момент наверху кто-то снова начинает играть — на этот раз вальс «Дунайские волны».)

Гавличек смотрит вслед ротмистру, выплевывает колбасную кожуру и скрывается в мясной лавке.

В дверях своей табачной лавки появляется Валерия.

(Здороваются с ней.) Позвольте мне взглянуть на тиражную таблицу?

Валерия протягивает ему газету со стендом.

Целую ручки! (Углубляется в чтение.)

Внезапно, посреди такта, вальс обрывается.

Валерия (злорадно). Ну, что же мы выиграли, господин ротмистр? Большой приз?

Ротмистр (возвращая газету). Я еще ни разу не выигрывал, милая госпожа Валерия. Черту ведомо, зачем я играю! Разве чтоб узнать, какой я неудачник.

Валерия. Зато, стало быть, в любви везет.

Ротмистр. Было — и прошло.

Валерия. Ну-ну, господин ротмистр, с вашим-то профилем!

Ротмистр. Это ничего не значит... Если, конечно, мужчина разборчив. А подобное свойство драгоценно в мужчине.

Ах, если б война продлилась на две недели подольше, у меня была бы сейчас майорская пенсия.

Валерия. Если б война продлилась на две недели подольше, мы бы победили.

Ротмистр. С человеческой точки зрения...

Валерия. Наверняка. (Исчезает в лавке.)

Из лавки игрушек выходит почтенная дама в сопровождении Марианны — при открытии двери позва- кивает колокольчик. Ротмистр, прислушиваясь, листает газету.

Почтенная дама. Итак, я могу на вас положиться?

Марианна. Целиком и полностью, мадам! У нас ведь первый, самый старый специализированный магазин во всем районе... Мадам получит оловянных солдатиков с гарантией и в срок...

Почтенная дама. Итак, еще раз, чтобы не вышло путаницы: три коробки тяжело раненых и две коробки убитых... да и кавалерию не забудьте, пожалуйста, не только пехоту... И чтобы послезавтра утром все было в доме, иначе слез не оберешься. У мальчика в пятницу день рождения, а он так хотел поиграть в санитара...

Марианна. С гарантией и в срок, мадам! Благодарю вас, мадам!

Почтенная дама. Итак, аddy! (Уходит налево.)

На балконе появляется Цауберкёниг, он в шлафроке и с сеткой для усов.

Цауберкёниг. Марианна! Ты здесь?

Марианна. Да, папа?

Цауберкёниг. Куда подевали мои резинки для носков?

Марианна. Розовые или бежевые?

Цауберкёниг. У меня ведь теперь одни розовые!

Марианна. В шкафу — слева наверху, справа внизу.

Цауберкёниг. Слева наверху, справа внизу. Difficile est, satiram non scribere. (Уходит.)

Ротмистр (Марианне). Вы — само прилежание, фрейлейн Марианна! Само прилежание!

Марианна. В работе стыда нет, господин ротмистр.

Ротмистр. Напротив. Кстати, когда можно будет поздравить?

Марианна. С чем же?

Ротмистр. Ну, с помолвкой.

Цауберкёниг (снова появляясь на балконе). Марианна!

Ротмистр. Честь имею, господин Цауберкёниг!

Цауберкёниг. Честь имею, господин ротмистр! Марианна, в последний раз — где мои подтяжки?

Марианна. Там, где и всегда.

Цауберкёниг. Это что за ответ, а? Что за тон! Мило! Родному отцу! Там, где всегда, их нет.

Марианна. Ну, значит, в комоде.

Цауберкёниг. И там нет.

Марианна. Значит, на ночном горшке.

Цауберкёниг. И там нет.

Марианна. Значит, на твоих подштанниках.

Цауберкёниг. И там нет.

Марианна. Ну, тогда я не знаю.

Цауберкёниг. Спрашиваю тебя в последний раз — где мои подтяжки?

Марианна. Что я, гадалка, что ли?

Цауберкёниг (кричит на нее). Не могу же я со спущенными штанами идти на погребальную мессу! Только из-за того, что ты не следишь за моим гардеробом! Немедленно поднимайся и ищи сама! Но чтобы *avanti, avanti!*

Марианна исчезает в лавке. Вновь раздается вальс «Дунайские волны». Цауберкёниг прислушивается.

Ротмистр. Кто это играет?

Цауберкёниг. Одна гимназистка со второго этажа... Одаренный ребенок.

Ротмистр. Музикальное дарование.

Цауберкёниг. И раннее развитие... (Подхватывая мелодию, с чувством юмора цветы.)

Ротмистр. Наступает весна, господин Цауберкёниг.

Цауберкёниг. Наконец-то! Даже погода совсем с ума сошла!

Ротмистр. Как и мы все.

Цауберкёниг. Кроме меня. (Пауза.) Обнищали мы, господин ротмистр, обнищали. Даже слугу не можем себе позволить. Если б у меня не было дочери...

Из мясной лавки выходит Оскар — в черном костюме и цилиндре. Он натягивает черные перчатки.

Сию минуту, Оскар! Марианка только вот опять запропостила куда-то мои подтяжки!

Ротмистр. Господин Цауберкёниг! Осмелюсь предложить вам собственные подтяжки. Я ведь их тоже ношу — с некоторых пор...

Цауберкёниг. Вы слишком любезны! Тысяча благодарностей! Но порядок должен быть! Марианна сейчас их разыщет.

Ротмистр. Господин жених in spe, примите мои поздравления.

Оскар приподнимает цилиндр и слегка кланяется.

Цауберкёниг. Если господь соблаговолит ко мне, то да.

Ротмистр. Поздравляю, господа! (Уходит.)

Вальс обрывается.

Марианна (появляясь на балконе с розовыми подтяжками).

Вот, на тебе твои подтяжки.

Цауберкёниг. Ну вот видишь!

Марианна. Ты их бросил в грязное белье, мне пришлось его все перерывать.

Цауберкёниг. Надо же! (Улыбается, как нежный отец, и треплет ее по щеке.) Молодец. Внизу стоит Оскар. (Уходит.)

Оскар. Марианна! Марианна!

Марианна. Да?

Оскар. Может быть, спустишься?

Марианна. И так собираюсь. (Уходит.)

В дверях появляется Гавличек.

Гавличек (снова жует). Что я еще хотел сказать? Господин Оскар, вы уж там и от моего лица помолитесь, так сказать, в честь вашей бедной матушки, вечное ей блаженство.

Оскар. Непременно, Гавличек.

Гавличек. Я говорю спасибо, господин Оскар. (Уходит.)

Появляется Марияна.

Оскар. Я так счастлив, Марианна. Год траура скоро кончается, завтра я сниму с себя эту декорацию. В воскресенье — официальная помолвка, а под рождество — свадьба... Ну же, поцелуйчик, Марианна, утренний поцелуйчик...

Марианна (целует его, вдруг отпрянув). Ой! Ну что ты всекусаешься!

Оскар. Разве и сейчас укусили?

Марианна. А разве ты не заметил?

Оскар. Готов поклясться...

Марианна. Всегда ты мне делаешь больно.

Пауза.

Оскар. Ты сердишься?

Пауза.

А?

Марианна. Иногда мне кажется, тебе очень хочется, чтобы я обозлилась на весь мир...

Оскар. Марианна! Я религиозный человек, ты знаешь, христианские законы для меня — закон!

Марианна. Может, ты думаешь, я не верю в бога?

Оскар. Я не хотел тебя обидеть. Я ведь знаю, ты меня презираешь.

Марианна. Что за идиотские мысли у тебя в голове?!

Пауза.

Оскар. Значит, ты не любишь меня?

Марианна. Что такое любовь?

Пауза.

Оскар. О чём ты теперь думаешь?

Марианна. Оскар, если нас что-нибудь разлучит, то это ты сам. Ты не должен постоянно лезть мне в душу, ну, пожалуйста...

Оскар. Как бы мне хотелось заглянуть тебе в голову, в самое нутро, посмотреть, что там у тебя за мысли...

Марианна. Но этого ты не можешь.

Оскар. Человек всегда одинок. (Пауза. Достает из кармана бонбоньерку.) Позволь тебе предложить, я совсем забыл про них, эти вот в золотой обертке — с ликером...

Марианна машинально кладет в рот большую конфету. Во всем чёрном и цилиндре из лавки выходит Чайберкёниг.

Чайберкёниг. Ну вот и мы. Что это у тебя? Опять конфеты? Как ты внимателен, очень! (Пробует.) Ананасовые! Прима! Ну, каков жених? Что скажешь, а? Ты довольна?

Марианна быстро уходит в лавку.

(Озабоченно.) Что это с ней?

Оскар. Каприз.

Чайберкёниг. Зазнайство. Слишком хорошо живет!

Оскар. Идемте, мы опаздываем, папа, — месса...

Чайберкёниг. Нет, но поведеньице! Я прямо думаю, ты ее мне слишком избалуешь... Оскар, милый, только не это! Расплата слишком тяжела. Ты себе представить не можешь, чего я не натерпелся в своей семейной жизни! А все почему? Уж конечно, не потому, что дражайшая супруга моя была какой-нибудь скотиной, а потому, что

я-то вел себя чересчур благородно, прости ей господи! Только не терять авторитет! Сохранять дистанцию! Патриархат, никакого матриархата! Голову выше! А палец — книзу! Ave Caesar, morituri te salutant! (Уходит с Оскаром.)

Гимназистка со второго этажа начинает играть вальс «Благоуханная ночь» Цирера. Марианна появляется в витрине, где наводит порядок, — особенно долго она возится со скелетом. Слева, сзади от Марианны появляется Альфред, замечает Марианну, останавливается и рассматривает ее. Марианна поворачивается, замечает Альфреда и замирает, пораженная. Альфред улыбается. Марианна улыбается в ответ. Альфред любезно кланяется. Марианна отвечает тем же. Альфред приближается к витрине. В дверях своей лавки стоит Валерия и смотрит на Альфреда. Альфред барабанит пальцами по стеклу витрины. Марианна внезапно чего-то пугается и задергивает занавес перед витриной. Вальс снова обрывается посреди такта. Альфред замечает Валерию. Пауза.

Валерия. Куда это?

Альфред. К тебе, любимая.

Валерия. А что это мы потеряли среди игрушек?

Альфред. Хотел купить тебе куклу.

Валерия. И вот на такую вешалку я повесила свою жизнь

Альфред. Пардон! (Пауза. Щекочет Валерию под подбородком.)

Валерия бьет его по руке. Пауза.

Что это за барышня там в окне?

Валерия. Это тебя, паршивца, не касается.

Альфред. Очень даже симпатичная барышня.

Валерия. Ха, ха!

Альфред. Стойкая, все как надо. Как это я ее раньше не замечал, просто невероятно.

Валерия. Ну что ты хочешь сказать?

Альфред. Так вот: раз навсегда — я больше не собираюсь

терпеть твои припадки ревности! Хватит меня тиранить.
Мне это совсем ни к чему!

Валерия. В самом деле?

Альфред. Ты только не думай, что мне нужны твои деньги!

Пауза.

Валерия. Да, так будет лучше всего...

Альфред. Как это — так?

Валерия. Для нас обоих будет лучше всего, если мы расстанемся.

Альфред. Но уж тогда окончательно! И по-хорошему! Раз навсегда, если угодно!.. Вот. Это я тебе должен. С квитанцией. В Сен-Клу мы не проиграли, а в лё Трембле выиграли. Дополнительный забег. Пересчитай, пожалуйста. (Уходит.)

Валерия (машинально пересчитывает деньги, потом смотрит вслед Альфреду, тихо). Подонок. Скотина. Сутенер. Своловь...

3 В следующее воскресенье в Венском лесу

На поляне на берегу голубого Дуная. Пикник, в котором принимают участие Чайберкёниг с Марианиной, Оскар, Валерия, Альфред, некоторые отдаленные родственники, в частности Эрих из прусского Касселя, а также маленькие, одетые в белое, некрасивые дети. Все образуют живописную группу. Оскар возится со штативом своего фотоаппарата, затем, нажав на автоспуск, становится рядом с Марианиной. После того как автоспуск безупречно срабатывает, группа приходит в движение.

Чайберкёниг. Стойте! Да саро! По-моему, я шевельнулся!
Оскар. Но, папа!

Чайберкёниг. На всякий случай — еще раз!

Первая тетушка. Ах так!

Вторая тетушка. Было бы ужасно жаль!

Чайберкёниг. Поэтому да саро, да саро!

Оскар. Ладно уж. (Снова возится с аппаратом — вновь автоспуск безупречно срабатывает.)

Чайберкёниг. Благодарю!

Группа постепенно распадается.

Первая тетушка. Мильй господин Оскар, огромнейшая просьба: нельзя ли деток снять отдельно, они такие сегодня лапули...

Оскар. С удовольствием! (Группирует детей, целуя самую маленькую девочку.)

Вторая тетушка (Марианине). Нет, с какой любовью он ими занимается... Если уж он не будет идеальным отцом! Просто влюблен в детей, просто влюблен! По собственной воле... (Обнимает и целует Марианину.)

Валерия (Альфреду). Нет, это уж просто Монблан.

Альфред. Что значит Монблан?

Валерия. А то, что ты присоединяешься к компании, зная, что здесь я, — после того, что между нами произошло.

Альфред. Что же такое произошло? Мы просто расстались. К тому же как добрые друзья.

Валерия. Нет, ты не женщина, в этом все дело. Иначе ты уважал бы мои чувства.

Альфред. Какие чувства? Все еще?

Валерия. Женщина не забывает так быстро. Там, внутри, все еще что-то остается. Даже если ты оказался таким мошенником.

Альфред. Ну будь разумной, прошу тебя.

Валерия (с внезапной ненавистью). Тебе только этого и надо.

Пауза.

Альфред. Можно мошеннику засим удалиться?

Валерия. Кто это тебя пригласил?

Альфред. Не скажу.

Валерия. Нетрудно и догадаться, а?

Альфред прикуривает сигарету.

Валерия. Где это вы познакомились? В лавке?

Альфред. Заткнись.

Цауберкёниг (приближаясь вместе с Эрихом к Альфреду). Что я слышу? Господа еще не знакомы? В таком случае позвольте представить: мой племянник Эрих, сын моего тестя от второго брака,— а это господин Центнер. Верно?

Альфред. Разумеется.

Цауберкёниг. Господин фон Центнер!

Эрих (с полевой сумкой и флягой на ремне). Очень рад!

Цауберкёниг. Эрих — студент. Учится в Дессау.

Эрих. В Касселе, дядя.

Цауберкёниг. Кассель и Дессау — я всегда это путаю! (Удаляется.)

Альфред (Валерии). Вы уже знакомы?

Валерия. О, целую вечность!

Эрих. Я лишь недавно имел удовольствие. Мы беседовали о Бургтеатре и о мнимой победе звукового кино.

Альфред. Интересно! (Вежливо кланяется и удаляется.)

Одна из тетушек заводит свой дорожный граммофон. Звучит aria «Как холодна твоя ладошка».

Эрих (прислушиваясь). «Богема». Божественный Пуччини! Марianne (рядом с Альфредом, прислушиваясь). Как холодна твоя ладошка...

Альфред. Это из «Богемы».

Марианна. Пуччини.

Валерия (Эриху). Какие вы знаете оперетты?

Эрих. Но ведь к искусству это не имеет отношения!

Валерия. Ну, это мы так только все говорим.

Эрих. Вы читали «Братьев Карамазовых»?

Валерия. Нет.

Эрих. Вот это — искусство.

Марианна (Альфреду). Когда-то я хотела заниматься ритмической гимнастикой, мечтала о собственном институте, но мои родственнички ничегошеньки в этом не смыслят. Папа всегда говорит, что материальная независимость жен-

чины от мужчины — последний шаг на пути к большевизму.

Альфред. Я не понимаю в политике, но вы можете мне поверить: материальная зависимость женщины от женщины также не ведет ни к чему хорошему. Естественный закон, видимо.

Марианна. Я так не думаю.

Оскар фотографирует одного Цауберкёнига — в различных позах; граммофон замолчал.

Альфред. Он что, любит фотографировать, господин жених?

Марианна. Страстно. Мы уже восемь лет знаем друг друга.

Альфред. Сколько же лет вам тогда было? Пардон, это чисто машинная реакция!

Марианна. Мне было тогда четырнадцать.

Альфред. Это немного.

Марианна. Он, так сказать, был другом детства. Мы ведь жили по соседству.

Альфред. А если бы не жили по соседству?

Марианна. Что вы имеете в виду?

Альфред. По-моему, все это естественные законы. И судьба.

Пауза.

Марианна. Да, судьба. Собственно, это совсем не то, что принято называть любовью, разве что с его стороны, а в общем... (Вдруг пристально смотрит на Альфреда.) Но что это я, я ведь вас почти не знаю... Господи, как это вам удается вытягивать все из людей...

Альфред. Я вовсе не хочу ничего из вас вытягивать. Напротив.

Марианна. Вы не гипнотизер?

Оскар (Альфреду). Пардон! (Марианне.) Вы позволите? (Подставляет ей руку и отводит к группе живописных деревьев, где все уже расположились на пикник.)

Альфред следует за Оскаром и Марианной и тоже садится.

Цауберкёниг. О чём это мы сейчас, то бишь?

Первая тетушка. О переселении душ.

Вторая тетушка. Что это за штука такая — переселение душ?

Эрих. Буддийская религиозная философия. Буддисты утверждают, что душа умершего человека перемещается в какое-нибудь животное, например в слона.

Цауберкёниг. С ума сойти!

Эрих. Или в змею.

Первая тетушка. Фу!

Эрих. Что значит — фу? Все это только наши мелкие человеческие предрассудки. А если обратиться к тайной красоте пауков, жуков, сороконожек...

Вторая тетушка (*перебивает его*). Только не надо портить людям аппетит, ну пожалуйста!

Первая тетушка. Меня уже тошнит...

Цауберкёниг. Мне сегодня ничто не испортит аппетит! Нет таких червяков на свете!

Валерия. Ну хватит наконец!

Цауберкёниг (*подчиняется, постукивая ножом о свой стакан*). Дорогие друзья! По правде говоря, это была никакая не тайна — что моя милая дочь Марианна положила глаз на моего милого Оскара...

Валерия. Браво!

Цауберкёниг. *Silentium*, я сейчас кончу. И вот мы собрались, то есть я вас всех пригласил, чтобы просто, но достойно, в маленьком избранном кругу отметить важный момент в цветущей жизни двух детей человеческого рода. Лишь одно печалит меня сегодня, а именно то, что всемогущий бог не дал насладиться этой радостью моей незабвенной супруге, блаженной памяти матери Марианны. Но я твердо уверен, что она смотрит сейчас на нас с какой-нибудь звезды из глубины вечности. Поднимите же стаканы (*поднимает свой стакан*), чтобы от всего сердца поздравить счастливую, с этого момента офици-

ально помолвленную пару, нашу юную пару — Оскара и Марианну. Ура, ура, ура!

Все. Ура! Ура! Ура!

Ида, та самая тощая, миловидная близорукая девочка, которая когда-то усомнилась в качестве кровяной колбасы Гавличка, выступает в белом платье, с букетом цветов.

Ида (*картаво декламирует*).

Любовь, как пламенный алмаз

Горит, не затухая, в нас

И светит ежечасно.

Сильнее солнца свет ее,

И может наше бытие

Лишь с нею быть прекрасно!

Все. Браво! Ура! Господи, как мило!

Ида, сделав книксен, вручает Марианне букет цветов. Все поглаживают Иду по головке и бурно поздравляют помолвленных; граммофон играет свадебный марш, Цауберкёниг целует Марианну в лоб, а Оскара в губы, потом вытирает мокрые глаза и ложится в гамак.

Эрих (*выпив из своей фляги на брудершафт с Оскаром*). Слушайте сюда, люди! Оскар и Марианна! Я позволю себе выпить из этой фляги за нечто особенное! За ваше счастье и здоровье и множество прекрасных немецких детей! Хайль!

Валерия (*навеселе*). Лишь бы не негров. Хайль!

Эрих. Простите, уважаемая, но в этом пункте я не потерплю никаких фривольных шуточек! Этот пункт для меня свят, вы знаете мою позицию по расовой проблеме.

Валерия. Проблематичный вы человек... Стойте же! Не уходите, вы, сложный человек...

Эрих. Сложный? Что это значит?

Валерия. Интересный...

Эрих. То есть?

Валерия. Или вы думаете, я люблю евреев? Вы, большое
дитя... (Повисает на нем и увлекает за собой.)

Все располагаются в лесу, дети бегают вокруг и всем ме-
шают.

Оскар (поет под лютню).

Благословенная душная ночь,
Двум сердцам друг без друга невмочь.
Год прошел и увидел алтарь —
Два кольца надевались, как встарь.
Добрый аист был тут уж как тут,
Тот, кого бабушки, дедушки ждут.
Зазвенел и расцвел месяц май,
Здравствуй, счастье, а горе — прощай.
(Продолжает играть, но поет без слов, одну мелодию; его
поддерживают все остальные, кроме Альфреда и Ма-
рианны.)

Альфред (приблизившись к Марианне). Позвольте еще раз
поздравить.

Марианна закрывает глаза. Альфред в длительном поче-
лув склонился к ее руке. Оскар, заметив это, передает
лотню второй тетушке, встает и подходит к Марианне.

(Вежливо.) Поздравляю!

Оскар. Спасибо.

Альфред вежливо кланяется и отходит.

(Глядя ему вслед.) Он завидует мне из-за тебя. Совсем нет
вкуса у человека. Кто это такой вообще?

Марианна. Клиент.

Оскар. Давний?

Марианна. Вчера он зашел, и мы разговорились... недолго,
правда, а потом я его пригласила. Купил себе семейную
игру.

Валерия (взволнованно). Что делать фанту у меня в руке?

Эрих. Три раза прокричать «му-у!»

Валерия. Это тетушка Генриетта, тётушка Генриетта!

Первая тетушка (встает в позу и кричит). Му-у! Му-у!
Му-у!

Общий смех.

Валерия. А что делать этому фанту?

Цауберкёниг. Трижды прокричать «ме-е!»

Валерия. Это ты сам!

Цауберкёниг. Ме-е! Ме-е! Ме-е!

Общий хохот.

Валерия. А что делать этому фанту?

Вторая тетушка. Пусть что-нибудь покажет.

Эрих. Что именно?

Вторая тетушка. Что может.

Валерия. Оскар! Ты слышал, Оскар! Покажи нам что-ни-
будь!

Эрих. Что хочешь!

Цауберкёниг. Что можешь.

Пауза.

Оскар. Дамы и господа, я покажу вам нечто полезное. Дело
в том, что когда-то я занимался японской техникой само-
обороны. Так называемой джиу-джитсу. И вот обратите
внимание, как можно играючи вывести из строя своего
противника... (Внезапно приближается к Марианне и на
ней демонстрирует свои приемы.)

Марианна (падая на землю). Ай! Ой!..

Первая тетушка. Нет, это уж просто хулиганство ка-
кое-то!

Цауберкёниг. Браво! Брависсимо!

Оскар (первой тетушке). Я только имитировал прием, а то
сломал бы ей позвоночник.

Первая тетушка. Этого еще не хватало!

Цауберкёниг (похлопывая Оскара по плечу). Ловко! На-
глядно, что и говорить!

Вторая тетушка (помогая Марианне встать). Такую нежную женщину... Есть у нас еще фанты?

Валерия. К сожалению, нет. Все кончились!

Цауберкёниг. Тогда у меня предложение. Идемте купаться! Нырнем в прохладные струи! С меня пот льет, как с обезьяны.

Эрих. Отличная идея!

Валерия. Да, но где же дамам раздеваться?

Цауберкёниг. Ничего нет проще! Дамы справа, господа слева! Итак, до свидания в нашем прекрасном голубом Дунае!

Граммофон играет вальс «Голубой Дунай», дамы исчезают направо, господ — налево; Валерия и Альфред остаются одни.

Валерия. Альфред!

Альфред. Да?

Валерия напевает вальсовую мелодию и снимает блузку.

Ну что?

Валерия посыпает ему воздушный поцелуй.

Адьё!

Валерия. Минуточку! Нравится ли господину барону фрейлейн невеста?

Альфред (внимательно смотрит на нее, затем подходит к ней вплотную). А ну, дыхни!

Валерия. Еще чего!

Альфред. Дыхни, говорю!

Валерия дышит на него.

Пьяничка.

Валерия. Чуть-чуть для настроения не в счет, ты, вегетарианец! Человек предполагает, а господь располагает. Не всякий день помолвка... и размолвка тоже, ты, свинтус...

Альфред. Оставь этот тон, любезнейшая!

Валерия. Не трогай меня, не трогай меня...

Альфред. Как будто я тебя когда трогал.

Валерия. А семнадцатого марта?

Пауза.

Альфред. И как это ты все помнишь...

Валерия. Все! И хорошее и плохое... (Вдруг загораживается блузкой.) Уходи! Я хочу раздеться.

Альфред. А то я тебя такой не видел...

Валерия (кричит). Не смотри так! Уходи! Уходи же!

Альфред. У, коза-истеричка... (Уходит налево.)

Валерия (смотрит ему вслед). Подонок. Скотина. Свинья. Тварь. (Раздевается.)

За кустом показывается Цауберкёниг в купальном наряде, он смотрит на Валерию.

(Оставшись в рубашке и чулках, замечает Цауберкёнига.)
Иезус Мария! Ты не подглядываешь ли, часом...

Цауберкёниг. Что я, извращенец, что ли. Раздевайся, чего там.

Валерия. Нет уж, я еще не утратила чувства стыда.

Цауберкёниг. Да брось ты — в наше-то время!

Валерия. Такая уж у меня изощренная фантазия... (На носочках удаляется за куст.)

Цауберкёниг (садится перед кустом, поднимает корсет Валерии, нюхает его). Что с фантазией, что без фантазии — мир наш совсем рехнулся! Ни тебе верности, ни тебе веры, ни тебе нравственных принципов. Все расшаталось — так и ходят ходуном. Как перед потопом... (Откладывает не слишком ароматный корсет в сторону.) Хоть вот Марианну удалось пристроить, и то слава богу, все-таки мясная лавка — это солидно даже и в наши времена...

Валерия (из-за куста). Ну а табачная — хуже, что ль?

Цауберкёниг. Тоже годится! Жрать да курить людишки будут всегда, а вот в куклы играть? Как задумалась иной раз о будущем, так таким себя чувствую пессимистом.

Мне вообще солено пришлось в жизни, одна жена чего стоила, все эти ее врачи редких специальностей...

Валерия (появляется в купальном костюме, застегивая пуговицы на плече). Отчего она умерла-то?

Цауберкёниг (смотрит на ее бюст). От груди.

Валерия. Ну, не от рака же?

Цауберкёниг. От рака.

Валерия. Ах, бедняжка.

Цауберкёниг. Мне тоже было не позавидовать. Удалили ей левую грудь — она вообще была здоровьем-то не очень, а родители ее от меня утаили... С тобой не сравнить, ты-то вон вся как королева... Королева и есть.

Валерия (делает разминочные упражнения). Что вам, мужчинам, до трагедии женщины? Да если б мы не следили за собой, не поддерживали...

Цауберкёниг (прерывает ее). Что же думаешь, я за собой не слежу?

Валерия. Это не то. Для мужчины важнее внутреннее сдерживание... (Делает ритмическую гимнастику.)

Цауберкёниг смотрит на нее, потом делает приседания.

Уф, уже устала! (Падает на землю.)

Цауберкёниг. Умирающий лебедь. (Садится рядом с ней.)
Пауза.

Валерия. Можно положить голову тебе на колени?

Цауберкёниг. На лоне природы все можно.

Валерия (кладет голову ему на колени). Земля еще очень твердая — зима была на этот раз затяжная. (Пауза. Тихо.) Слышишь, ты? С тобой так бывает? Когда мне солнце греет кожу, мне становится... ну прямо не знаю как...

Цауберкёниг. Как? (Пауза.)

Валерия. Ты это что же, поигрывал тут с моим корсетом?

Пауза.

Цауберкёниг. Ну и что?

Валерия. Ну и что?

Цауберкёниг внезапно бросается на нее и целует.

Боже мой, какой темперамент... Вот уж не думала... У, какой противный, у...

Цауберкёниг. Чем же противный? Чем?

Валерия. Противный, противный! Стой, не надо, кто-то идет.

Они отскакивают друг от друга. Появляется Эрих в плавках, с пневматическим ружьем.

Эрих. Прошу прощения, дядя! Если позволишь, я позволю себе пострелять здесь.

Цауберкёниг. Что-что?

Эрих. Пострелять в мишень вон на том дереве. Послезавтра очередные соревнования нашего академического общества содействия армии, вот я и хочу поупражняться. Не возражаете?

Валерия. Нет, конечно.

Цауберкёниг. Конечно? (Валерии.) Конечно! (Встает.) Общество содействия армии! Им бы только не разучиться стрелять. Ну, пойду охлажусь! В нашем прекрасном голубом Дунае. (Про себя.) Что б вам повеситься! (Уходит.) Эрих заряжает ружье, целится и стреляет.

Валерия (смотрит на него; после третьего выстрела). Пардон за мою беспардонность — что, собственно, изучает молодой человек?

Эрих. Юриспруденцию. Второй курс. (Целится.) Трудовое право. (Стреляет.)

Валерия. Трудовое право. Это очень скучно?

Эрих (заряжает). Перспектива — синдикат на каком-нибудь заводе. (Целится.) На крупном заводе. (Стреляет.)

Валерия. А как вам нравится наша красавица Вена?

Эрих. Великолепное барокко.

Валерия. А прелестные венские девушки?

Эрих. По правде говоря, с молоденцами у меня дело не кле-

ится. Я уже был помолвлен с одной — и горько разочаровался. Кэте была слишком молода, чтобы отнестись к моему «я» с должным пониманием. Иметь дело с молоденькой — значит зазря расходовать свои чувства. Лучше уж иметь дело со зрелой женщиной, которая может тебе что-то дать. (Стреляет.)

Валерия. А где вы остановились?

Эрих. Жильем я не очень доволен.

Валерия. Могу предоставить меблированную комнату.

Эрих. По сходной цене?

Валерия. Бесплатно.

Эрих. Ну, это было бы классно! (Стреляет.)

Валерия. Дайте-ка мне разочек стрельнуть, господин синдикус...

Эрих. С удовольствием!

Валерия. С взаимным. (Берет у него ружье.) Вы уже служили в армии?

Эрих. Нет, к сожалению... Я ведь с одиннадцатого года.

Валерия. С одиннадцатого... (Долго целится.)

Эрих (командует). Смирно! Внимание! Огонь!

Валерия не стреляет — она медленно опускает ружье и смотрит на него без улыбки.

Что случилось?

Валерия. Ой! (Вдруг начинает извиваться.) Прострел...
В почках...

Пауза.

Эрих. Могу я чем-нибудь помочь?

Валерия. Спасибо... Уже прошло. Так часто бывает, когда я чему-нибудь рада... Тут же следует и расплата. Теперь я и цели-то не вижу...

Эрих (рассеянно). Какой цели?

Валерия. Да и темнеет уже... (Обнимает его, он не сопротивляется; они целуются.) Цель всегда нужно видеть. Человек без цели — это не человек... С одиннадцатого года...

4 У прекрасного голубого Дуная

Солнце уже зашло, надвигаются сумерки, вдали на тетушином граммофоне слышен «Весенний вальс» Иоганна Штрауса. Альфред в купальном халате и соломенной шляпе мечтательноглядит на другой берег. Марианна выходит из воды и замечает Альфреда. Пауза.

Альфред (приподнявая шляпу). Я так и знал, что вы здесь выйдете на берег.

Марианна. Откуда же?

Альфред. Знал.

Пауза.

Марианна. Дунай — мягкий, как бархат.

Альфред. Как бархат.

Марианна. Уйти бы куда-нибудь далеко-далеко... Сегодня можно бы ночевать и под открытым небом.

Альфред. Запросто.

Марианна. Как нас испортила цивилизация! Что мы имеем от природы?

Альфред. Что мы сделали из природы? Смирительную ру-
башку. Никто не может позволить себе то, что хочет.

Марианна. И никто не хочет себе позволить то, что может.
Пауза.

Альфред. И никто не осмеливается на то, что может.

Марианна. И никто не может того, что должен...

Альфред резко обнимает ее, она ничуть не сопротивляет-
ся; они сливаются в длительном поцелуе.

Я это знала, знала...

Альфред. Я тоже.

Марианна. Ты меня любишь — как должен был бы?..

Альфред. Да, я это чувствую. Давай сядем.

Они садятся. Пауза.

Марианна. Я так рада, что ты умный. Меня окружают одни

дураки. Папа тоже не светоч мысли... Иногда я даже думаю, он просто хочет отомстить мне за мою мать. Уж очень она была властной.

Альфред. Ты слишком много думаешь.

Марианна. Теперь мне так хорошо. Прямо хочется петь. Всегда, когда на душе у меня грусть, мне хочется петь...
(Напевает и тут же смолкает.) Почему ты все молчишь?

Пауза.

Альфред. Ты меня любишь?

Марианна. Очень.

Альфред. Так, как должна была бы? То есть — разумной любовью?

Марианна. Разумной?

Альфред. То есть не наделаешь ли ты глупостей... Потому что я за них отвечать не смогу.

Марианна. Ну, не надо об этом... Взгляни на звезды... Они все так же будут светить, когда мы будем лежать в земле...

Альфред. Я распоряжусь, чтобы меня сожгли.

Марианна. Я тоже... (Пауза.) Ты... ты как молния поразил меня — и расколол надвое... Теперь я твердо знаю...

Альфред. Что?

Марианна. Что я не пойду замуж...

Альфред. Марианна!

Марианна. Что с тобой?

Пауза.

Альфред. У меня нет денег.

Марианна. Ну зачем ты сейчас об этом?!

Альфред. Потому что это — мой элементарный долг! Никогда еще за всю свою жизнь я не расстроил ни одной помолвки — это противоречит моим принципам. Любить людей — это разлучать людей... Нет! На это был, но чтобы из-за этого разлучать людей... Нет! На это у меня нет морального права! Не в моих принципах!

Пауза.

Марианна. Я не ошиблась в тебе — ты порядочный человек.

Теперь я вдвойне твоя... Оскар не для меня — и все тут! Совсем стемнело, кто-то запускает ракеты.

Альфред. Ракеты. В честь твоей помолвки.

Марианна. В честь нашей помолвки.

Альфред. И бенгальский огонь.

Марианна. Синяя, зеленая, желтая, красная...

Альфред. Они будут искать тебя.

Марианна. Пусть найдут нас вместе... Останься со мной, мне послало тебя само небо, ты мой ангел-хранитель...

Синие, зеленые, желтые ракеты освещают Альфреда и Марианну — и Цауберкёнига, который стоит рядом с ними, держась рукой за сердце. Марианна вскрикивает.
Пауза.

Альфред (подходит к Цауберкёнигу). Господин Цауберкёниг...

Цауберкёниг (прерывает его). Молчите! Не надо мне ничего объяснять. Я все слышал... Это же форменный скандал! В день помолвки! Разлекивать голышом! Мое почтение! Марианна! Одевайся! Только бы Оскар не увидел... Иисус Мария — и кусок Иосифа!

Альфред. Я, разумеется, беру на себя всю ответственность, если надо.

Цауберкёниг. Вам нечего на себя брать! Вам нужно сматываться отсюда, господин хороший! Эта помолвка не может лопнуть — и по моральным соображениям тоже! И чтобы ни одна живая душа не узнала — слышите вы, негодяй, дайте мне честное слово!

Альфред. Честное слово.

Марианна. Нет!!

Цауберкёниг (шепотом). Не ори! Ты в своем уме? Одевайся — и живо!

Появляется Оскар.

Оскар (смотрит на всех). Марианна! Марианна!

Цауберкёниг. Ну, все пропало!

Пауза.

Альфред. Фрейлейн невеста до сих пор плавала.

Марианна. Не лги! Не лги же! Я не плавала, я не хочу больше плавать! Я не дам вам больше мной помыкать! Раб разбивает свои оковы — вот! (Бросает обручальное кольцо в лицо Оскару.) Я больше не позволю ломать свою жизнь, это моя жизнь! Бог в последний момент послал мне этого человека... Я не пойду за тебя, не пойду, не пойду!! И пусть наша лавка провалится в преисподнюю — хоть сию минуту!

Цауберкёниг. И это мой единственный ребенок! Ну, я тебе припомню!

Пауза; на крик Марианны собралась вся компания, которая теперь злорадно прислушивается.

Оскар (подходит к Марианне). Марианна, не пожелаю тебе пережить когда-нибудь то, что сейчас у меня на душе. Я буду любить тебя по-прежнему, и я знаю, что ты не уйдешь от меня... И я благодарю тебя за все. (Уходит.)

Цауберкёниг (после паузы, Альфреду). Да кто вы такой вообще?

Альфред. Я?

Валерия. Да никто, просто никто.

Цауберкёниг. Никто. Только этого не хватало. У меня больше нет дочери! (Уходит вместе со всеми.)

Альфред и Марианна остаются вдвоем; светит луна.

Альфред. Прости меня.

Марианна протягивает ему руку.

За то, что чуть не отказался от тебя,— но за это несет ответственность мое чувство ответственности. Я не достоин твоей любви, я не сумею обеспечить твою жизнь, я вообще не человек...

Марианна. Меня ничем не удивишь. Дай мне сделать из тебя человека... Благодаря тебе я чувствую себя такой сильной...

Альфред. И ты возвышаешь меня. Ты как огромное облако... Марианна. Я словно вышла из самой себя и смотрю себе вслед, вот теперь я уже где-то далеко-далеко, отсюда уже и не видно... Я хочу иметь от тебя ребенка...

Часть вторая

1

Снова тихая улочка в восьмом квартале — перед мясной лавкой Оскара, лавкой игрушек и табачной лавкой госпожи Валерии. Солнце светит, как в прошлый раз, и, как всегда, гимназистка со второго этажа играет «Сказки Венского леса» Иоганна Штрауса. В дверях мясной лавки стоит Гавличек и жует колбасу. Рядом с ним с сумкой стоит фрейлейн Эмма, девушка на все услуги; она прислушивается к музыке.

Эмма. Господин Гавличек...

Гавличек. Прошу прощения?

Эмма. Музыка — ведь это прекрасно, правда?

Гавличек. Бывают вещи и попрекраснее, фрейлейн Эмма.

Эмма напевает мелодию.

Тут и от вас, так сказать, кое-что зависит, фрейлейн Эмма.

Эмма. Я бы сказала, вы просто Дон Жуан, господин Гавличек.

Гавличек. Называйте меня просто Владиславом.

Пауза.

Эмма. А вчера во сне я видела вашего господина Оскара.

Гавличек. И ничего поумнее вам не могло присниться, а?

Эмма. У господина Оскара всегда такие большие, меланхолические глаза... Прямо жалко становится, когда он смотрит.

Гавличек. Это от любви.

Эмма. Что вы имеете в виду?

Гавличек. Я имею в виду, что он влюбился в пустую башку... А она его бросила, уж год как, и драпанула с другим, таким же пустышкой.

Эмма. А он все еще любит ее? Как это, по-моему, прекрасно.

Гавличек. А по-моему, глупо.

Эмма. Но большая страсть — это ведь что-то романтическое...

Гавличек. Нет, что-то нездоровое! Посмотри только, на кого он стал похож, прямо измучил себя, ни на кого больше смотреть не хочет, это при том-то, что деньжиц у него — куры не клюют и характер подходящий. Да стоило бы ему пальцем пошевельнуть, как подвернулась такая бы партия — ан нет! Помешался на этой беглой твари — черт ведает, что творит!

Эмма. Что вы имеете в виду на этот раз, господин Гавличек?

Гавличек. Я имею в виду то, что знать нельзя, где он привез и куда вывезет.

Эмма. Ой, какой вы все-таки грубый!

Пауза.

Гавличек. Фрейлейн Эмма, завтра выходной, буду ждать на конечной остановке шестьдесят восьмого.

Эмма. Но я не могу раньше трех.

Гавличек. Это мне не помеха.

Пауза.

Эмма. Ну, тогда в половине четвертого... И не забудьте, что вы мне обещали.. Что вы будете вести себя хорошо, милый Владислав... (Уходит.)

Гавличек (смотрит ей вслед и выплевывает колбасную кожуру). Дура набитая, вот уж дура...

Из лавки выходит Оскар.

Оскар. Не забудь — нам еще надо заколоть свинью... Сам заколи, меня сегодня что-то не тянет.

Пауза.

Гавличек. Можно мне правду-матку начистоту, господин Оскар?

Оскар. О свинье?

Гавличек. О свинье, да не о той... Господин Оскар, ради бога, да не убивайтесь вы из-за бывшей невесты, вы только посмотрите вокруг — ведь этих баб, что дерьяма! Любой инвалид находит себе бабу, да что там инвалид, венерические — и то! А бабье, если разобраться, все на одну мерку, уж вы поверте мне, я-то вам добра желаю! Нет у них души, одно мясо сверху! И нечего с бабой цацкаться, в этом все дело, сперва-наперво хрясть ей по морде — и все дела.

Пауза.

Оскар. Женщина — загадка, Гавличек. Сфинкс. Я вот письмо Марианны носил к разным графологам... Один сказал — это почек вампира, другой — верного товарища, а третий — идеальной домашней хозяйки, то есть ангела во плоти.

2 Меблированная комната в восемнадцатом квартале

Обстановка — по самой сходной цене. Семь часов утра. Альфред еще в постели, курит сигарету. Марианна уже чистит зубы. В углу старенькая детская коляска, на веревке — пеленки. День пасмурный, освещение серенькое.

Марианна (*полощет горло*). Ты однажды сказал, что я ангел. Я тебе тут же сказала, что я не ангел, что я самый обычновенный человек, без амбиций. Но тебе что — ты живешь одной своей головой.

Альфред. Ты знаешь, я не живу одной головой.

Марианна. Живешь! (*Делает прическу*.) Мне бы надо постричься.

Альфред. Мне тоже, Марь-я-на! Почему ты так рано встаешь?

Пауза.

Марианна. Потому что не могу спать.

Пауза.

Альфред. Ты, может быть, не в своей тарелке?

Марианна. А ты — в своей?

Смотрят друг на друга.

Альфред. А кто отнял у меня ипподром? Вот уж битьй год, как я не общаюсь с букмекерами, не говоря уж о специалистах... Просто повеситься! Новый сезон — новые фавориты! Двухлетки, трехлетки, а у меня никакого контакта с новыми поколениями. А все почему? Потому что занят распродажей крема для кожи, который никто не покупает.

Марианна. Просто у людей нет денег.

Альфред. Ты их еще защищаешь!

Марианна. Я ведь не упрекаю тебя, ты-то в этом не виноват.

Альфред. Да, этого еще бы не хватало!

Марианна. Но и я не виновата в этом проклятом экономическом кризисе!

Альфред. Ты на все — со своей колокольни... А кто мне присоветовал таскаться по людям с этой косметикой? Ты! (*Встает*.) Где мои подтяжки?

Марианна (*показывает на стул*). Там.

Альфред. Здесь нет.

Марианна. Значит, на ночном горшке.

Альфред. И здесь нет.

Марианна. Ну, тогда я не знаю.

Альфред. А должна знать!

Марианна. В точности как отец...

Альфред. Перестань меня сравнивать с этим старым кретином!

Марианна. Не кричи! Разбудишь ребенка, с ума можно будет сойти от вашего крика.

Пауза.

Альфред. С ребенком тоже надо что-то придумать. Нельзя же нам втроем ютиться в этой дыре! Ребенка надо отдать!

Марианна. Ребенок останется здесь.

Альфред. Ребенка надо отдать.

Марианна. Нет. Никогда!

Пауза.

Альфред. Где мои подтяжки?

Марианна (вдруг поворачивается к нему). Знаешь, какое сегодня число?

Альфред. Нет.

Марианна. Двенадцатое.

Пауза.

Альфред. Ну и что с того?

Марианна. А то, что дата. Ровно год назад я впервые увидела тебя... Перед нашей витриной.

Альфред. Не говори загадками. Мы не в Египте. Перед какой витриной?

Марианна. Я как раз возилась со скелетом, а ты постучал по стеклу. А я задернула занавеску, потому что испугалась.

Альфред. Верно.

Марианна. Я была такой одинокой... (Плачет.)

Альфред. Да не реви ты опять... Видишь ли, Марьяна, я тебя понимаю на сто процентов, ну, твой материнский эгоизм, но ведь в интересах ребенка выбраться из этой сырой дыры... Здесь мрак и темень, а у моей матери в Вахау всегда светит солнце.

Марианна. Это-то верно...

Альфред. Ну вот видишь!

Пауза.

Марианна. Судьба вплетает узлы в нашу жизнь... (Смотрит вдруг на Альфреда.) Что ты сказал?

Альфред. То есть?

Марианна. Ты сказал: дура.

Альфред. Что, что?

Марианна. Не отпирайся!

Альфред чистит зубы.

И перестань меня обзываивать. (Пауза.)

Альфред (намыливает лицо для бритья). Видишь ли, детка, есть вещь, которую я ненавижу до глубины души... Это глупость. А ты иногда откалываешь такое... Не понимаю, ну почему ты так глупа! Тебе это совсем ни к чему — быть такой глупой!

Пауза.

Марианна. Когда-то ты говорил, что я тебя возвышаю — в душевном отношении...

Альфред. Никогда я этого не говорил. Не мог говорить. А если и говорил, то ошибался.

Марианна. Альфред!

Альфред. Не кричи! Разбудишь ребенка.

Марианна. Мне страшно, Альфред...

Альфред. Тебе все что-то мерещится.

Марианна. Раз ты все-все забыл...

Альфред. Ерунда!

3 Маленькое кафе во втором квартале

Фердинанд Хирлингер играет сам с собой на бильярде. Входит Альфред.

Хирлингер. Привет, Альфред! Рад, очень рад опять видеть твою физию. Только что-то она у тебя кисловата?

Альфред. Так, нервы.

Хирлингер. Нервы — последнее дело. Давай вот лучше сыграем — сразу развеешься... (Протягивает ей кий). До пятидесяти, ты начинаешь.

Альфред. О'кэй, (Бьет.) Мимо!

Хирлингер (его очередь). Правду говорят, что ты опять служишь в банке?

Альфред. Куда там — все места заняты!

Хирлингер. Cherchez la femme! Завел любовь — прячь мозги в задницу!

Альфред. Милый Фердинанд, тут речь не о мозгах, а о другом органе... (Прикладывает руку к сердцу.) У Андерсена есть сказка о том, как злой мальчик пустил стрелу в сердце старому добруму поэту... Этот злой мальчик — Амур, бог Амур!

Хирлингер (занятый своими мыслями). Попробывать свояка, что ли...

Альфред. Я ведь человек мягкий, а тут она нажала на юношеские идеалы. Ну, поначалу, конечно, нормальная мужская реакция... Ну а потом, когда эта хмаря кончилась, проснулась жалость. Она — такой тип, что мужчина чувствует себя чуть ли не матерью, хотя бывает и злая шельма. Ей-ей, иногда кажется, что мы с ней просто срослись.

Хирлингер. Дело крови. Все дело в температуре крови.

Альфред. Ты думаешь?

Хирлингер. Наверняка. Твоя очередь. Одиннадцать!

Альфред играет.

Но чего я не могу понять — как можно в наше время заводить ребенка...

Альфред. Бог свидетель, я никогда не хотел ребенка, это она хотела... вот он и появился вроде сам собой. Я, конечно, настаивал на операции, но тут такое началось! Сколько сил я потратил, чтобы спроводить ее к врачу, и уж додился вроде бы своего, пошла — да что толку, поздно, только деньги кошке под хвост! Не везет, и все тут!

Появляется Марияна.

(Замечает ее.) Садись вон туда! Я сейчас доиграю.

Марияна садится за стол и принимается листать журнал мод.

Пауза.

Хирлингер. Твоя донна?

Альфред. Yes.

Пауза.

Хирлингер. Твоя, стало быть. Странно. Мой старый друг Альфред вот уж больше года живет с такой кралей, а я ее вижу в первый раз... Это только в Боснии мужья из ревности прячут своих жен от лучших друзей.

Альфред. Тут все наоборот. Не я ее, а она меня упрятала от моих лучших друзей...

Хирлингер (прерывает его). Как ее зовут-то?

Альфред. Марианна.

Пауза.

Нравится?

Хирлингер. Я себе иначе ее представлял.

Альфред. То есть?

Хирлингер. Попышнее.

Альфред. Куда уж пышнее.

Хирлингер. Не знаю почему. Так почему-то казалось.

Пауза.

Альфред. Она и так пышка. Больше, чем ты думаешь.

Пауза.

Хирлингер. Мда, скверно! Свалял ты дурака, порвав с табачницей, что и говорить! Не знал бы сейчас ни забот ни хлопот.

Альфред. Что толку прошлое вспоминать. Лучше теперь бы помог без хлопот выпутаться из этой связи!

Хирлингер. Не так-то это просто. В материальном отношении ваша жизнь, конечно, не розы.

Альфред. Сплошные шипы, Фердинанд! Шипы и крапива, как у блаженного Иова.

Пауза.

Хирлингер. А ребенок где?

Альфред. У моей матери за городом, в Вахау. Наконец-то!

Хирлингер. Это, конечно, облегчает положение. Тут, ялагаю, перво-наперво надо добиться, чтобы твоя Марианна сама себя обеспечивала в финансовом отношении... Ну, занялась бы каким-нибудь делом: любовница с профессией подрывает со временем любую связь, даже брак! В этом ведь главный аргумент нашей церкви против женской эмансипации — в том, что это наносит удар по семье... А ведь кардиналы не дураки, как ты думаешь? Они — лучшие из лучших, самые толковые среди нас!

Альфред. Да это-то верно. Но Марьяна ничему не училась — в смысле профессии. Единственное, что ее интересует, — ритмическая гимнастика.

Хирлингер. Ритмическая гимнастика — это уже кое-что!

Альфред. Ты думаешь?

Хирлингер. Наверняка!

Альфред. Я думаю, мне уже нечего думать.

Хирлингер. Ритмическая гимнастика, в конце концов, — разновидность танцев... А это уже нечто. В этой области у меня есть одна знакомая баронесса с международными связями, комплектует балетные труппы для элегантных заведений... О, здесь открываются такие возможности! Не говоря уж о том, что баронесса многим обязана мне.

Альфред. Я так был бы тебе благодарен...

Хирлингер. Я твой друг, и этого достаточно! Знаешь, я, пожалуй, застану еще баронессу за ее бриджем... Итак, привет, Альфред! Положи-ка черного за меня! И голову выше, я дам тебе знать, когда все будет в порядке! (Уходит.)

Альфред с кием медленно приближается к Марианне и садится за ее столик.

Марианна. Ну, кто выиграл?

Альфред. Я проиграл, потому что мне везет в любви... (Улыбается. Вдруг смотрит на ее шею.) Что это у тебя?

Марианна. Чего? Амулет.

Альфред. Что еще за амулет?

Марианна. Святой Антоний.

Альфред. Святой Антоний... с каких это пор?

Пауза.

Марианна. Когда я еще была маленькой и что-нибудь теряла, я всегда говорила: святой Антоний, помоги же мне! И тут же все находила.

Пауза.

Альфред. Это что — намек?

Марианна. Нет, так, вообще...

Пауза.

Альфред. Лично я не верю в загробную жизнь, но, конечно, верю в высшее существо, оно наверняка существует, иначе и нас не было бы... Слушай, святой Антоний, я тебе должен изложить кое-что важное...

4 У баронессы с международными связями

Елена, слепая сестра баронессы, сидит в салоне и фантазирует на спинете. В сопровождении слуги входят Фердинанд Хирлингер и Марианна.

Елена (прерывая игру). Анна! Кто это здесь?

Слуга. Господин фон Хирлингер с барышней. (Уходит.)

Хирлингер. Целую ручки, графиня!

Елена (встает и направляется к нему). Ах, господин фон Хир-

Хирлингер, здравствуйте! Как я рада снова увидеться с ванлингером, ми...

Хирлингер. Как и я, графиня! Баронесса у себя?

Елена. Да, сестра дома, она там с водопроводчиком — на днях я опять что-то не то бросила в раковину, и все засорилось... Кого же вы привели, господин фон Хирлингер?

Хирлингер. Это юная дама, питающая пристрастие к ритмической гимнастике, — я уже говорил о ней с баронессой.

Позвольте представить...

Елена (прерывает его). О, очень приятно! К сожалению, я не вижу вас, но рука у вас симпатичная... Дайте же еще подержать вашу руку, о вы, обладательница красивой руки...

Хирлингер. Графиня Елена превосходно гадает по руке.

Пауза.

Марианна. Ну и что у меня за рука?

Елена (продолжает держать ее руку). Это не так просто, дитя мое, ведь мы, слепые, судим обо всем на ощупь... У вас не так много позади, впереди — значительно больше...

Марианна. Что же?

Незаметно входит баронесса с косметической маской на лице и прислушивается.

Елена. Я бы сказала, это рука человека, склонного к наслаждениям... У вас ведь есть ребенок, не так ли?

Марианна. Так.

Хирлингер. Поразительно! Поразительно!

Елена. Мальчик или девочка?

Марианна. Мальчик.

Пауза.

Елена. Да, мальчик принесет вам много радости... Он кое-чего добьется...

Марианна (улыбаясь). Правда?

Баронесса. Елена! Ну что ты опять занимаешься глупостями? Ты ведь не цыганка! Лучше бы не засоряла больше

клозет, мой бог, какая там грязища! Ты — и вдруг гадалка! Тоже мне парадокс! (Смыгивает маску.)

Елена. А у меня бывают предчувствия!

Баронесса. Предчувствовала бы лучше насчет клозета! Это свинство опять стоило мне пяти шиллингов! Кто, спрашивается, кого кормит? Ты меня или я тебя? (Пауза.) Итак, милый Хирлингер, это та девушка, о которой мы говорили позавчера по телефону.

Хирлингер. Она самая. (Тихо.) И уж пожалуйста: любезность за любезность.

Баронесса (грозит ей пальцем). Маленький шантаж, не так ли?

Хирлингер. Ну, вот палец-то мне совсем не нравится, право слово...

Баронесса. Человек чести... (Бросив на него ядовитый взгляд, поворачивается к Марианне и разглядывает ее со всех сторон.) Гм. Скажите, фрейлейн, вы что же, питаете пристрастие к ритмической гимнастике?

Марианна. Да.

Баронесса. И желали бы реализовать это пристрастие на практике?

Марианна. Да.

Баронесса. Вы поете?

Марианна. Пою ли?

Баронесса. Я исхожу из того, что человек может все. Все — если он этого хочет! Танцевальные группы, которые я комплектую, предназначены для аттракционов в самых изысканных увеселительных заведениях Европы. Итак, вы не поете?

Марианна. К сожалению...

Баронесса. Разве вас не учили пению в школе?

Марианна. Учили, как же.

Баронесса. Ну, вот видите! Я бы хотела послушать ваш голос. Вы, верно, знаете какую-нибудь там венскую песенку, вы ведь венка... Что-нибудь народное...

Марианна. Может быть, песню о Вахау?

Баронесса. Прекрасно! Давайте! Итак, песня о Вахау!
Марианна (поет, Елена подыгрывает ей на спинете).

Юноша брел по тропинке один,
Ласковый вечер спустился над ним.
Вдруг ярко сверкнула улыбка ему —
Такую забыть не дано никому.
Алые щечки, златая коса,
Сияют улыбкой девичьи глаза.
С тех пор его дева все манит, зовет,
И он про нее постоянно поет:
Под городом Веной, в Вахау
Дунай такой голубой.
Есть маленький домик в Вахау,
Там ждет нас встреча с тобой.
Ты выглянешь из окошка —
Глаза голубы, как Дунай,
О, дай мне счастья немножко,
Алые губки дай.

5 В предместье Вахау

И здесь солнце сияет, как в прошлый раз, только перед
домиком стоит старенькая детская коляска.

Мать (Альфреду). Он так похож на тебя — малыш Леопольд...
И тоже совсем не кричит. Ты ведь тоже был спокойный
ребенок.

Альфред. Слава богу, что он не в Вене. Здесь, на свежем
воздухе, ему будет куда лучше, чем там, в нашей казарме.

Мать. Марианна уже выступает в балете?

Альфред. Нет еще, со следующей субботы.

Пауза.

Мать (озабоченно). Ты говорил, если появится ребенок, вы
распишетесь. С этим-то как?

Альфред. Ты говорила, я мог бы подыскать себе хорошую
партию.

Пауза.

Мать. Такая связь, конечно, счастье небольшое.

Альфред. А где бабушка? Мне бы с ней потолковать.

Мать. Сейчас позову ее... Мне как раз надо в подвал. (Уходит
в дом.)

Альфред склоняется над коляской и долго смотрит на ре-
бенка. Из дома выходит баушка.

Баушка. Чего изволите?

Альфред. Ну, ты надумала?

Баушка. Я сижу без денег. С тех пор как ты живешь с этой
особой, я сижу без денег! Живете незаконно, как собаки,
плодитесь, подбрасываете людям своих деток и не стыди-
тесь еще требовать со своей бабки денег! Ни крейцера не
дам! Ни крейцера!

Альфред. Твое последнее слово?

Баушка. Как собаки! Собаки и есть!

Альфред. Старая ведьма.

Пауза.

Баушка. Что ты сказал?

Альфред молчит.

Боишься повторить?

Альфред. Чего это вдруг?

Баушка. Ну, повтори!

Альфред. Ведьма. Старая ведьма.

Баушка подходит к нему и хватает за руку, пытаясь
ушипнуть побольнее.

Что вы сказали?

Баушка (не выпуская его руку). Ну погоди, ты еще у меня
узнаешь! Узнаешь!

Альфред (вырывает руку, потому что ему в самом деле больно). Сделать мне больно может человек, а не лягушка! Бабушка (плачут от злости). Отдай мне мои деньги, подлец! Мне нужны деньги, ты бродяга, преступник!

Альфред смеется.

Не смейся! (Бьет его своей клюкой.)

Альфред. Ой!

Пауза.

Бабушка (удовлетворенно ухмылляется). Ну, проняло? Проняло наконец?

Альфред. Ведьма. Старая ведьма.

Бабушка поднимает клюку.

Не вздумай!

Бабушка. Не бойся, дурачок. Подожди, я еще доберусь до тебя, я еще до всех вас доберусь... Ай-яй-яй, опять вон пуговица болтается... Ну как можно жить с такой неряхой бабой...

Альфред. Неряхой ее не назовешь!

Пауза.

Бабушка. И рот у нее слишком здоровый.

Альфред. Дело вкуса!

Бабушка. Подожди уж, пришью тебе пуговицу... (Пришивает.) Так, как твоя старая бабка, все равно тебе никто не пришьет... Да ты и не стоишь того, чтоб о тебе заботиться... Спутался с нищенкой, да еще ребенка завел, ребенка!

Альфред. Ну, это всегда может случиться.

Бабушка. Чем думал, ну чем думал!

Альфред. Ты ведь знаешь, я нажал на все педали, да деть уже было нечего.

Пауза.

Бабушка. Невезучий ты, Альфред.

Альфред. Почему?

Бабушка. Да потому что нарываешься на таких баб... (Пауза.) Слыши, Альфред, если б ты распутался сейчас с этой своей Марианной, я бы тебе кое-что одолжила...

Пауза.

Альфред. То есть?

Бабушка. Что, не понял?

Пауза.

Альфред. Сколько?

Бабушка. Ты еще молодой, симпатичный...

Альфред (показывает на коляску). А это куда?

Бабушка. Об этом не заботься. Езжай себе...

Пауза.

Альфред. Куда?

Бабушка. Во Францию. Там сейчас лучше всего, в газетах пишут... Была бы я помоложе, я бы махнула во Францию...

6 Снова тихая уличка в восьмом квартале

Время уже далеко за полдень, и гимназистка со второго этажа играет «Весенний вальс» Иоганна Штрауса. В двухэтажной мясной лавке стоит Оскар и чистит ногти ножичком. Слева появляется Ротмистр и здоровается с Оскаром. Оскар кланяется.

Ротмистр. Ну-с, должен заметить, вчерашняя кровяная колбаса выше всяких похвал!..

Оскар. Нежная вещь, не правда ли?

Ротмистр. Поэма. (Подходит к табачной лавке.)

В ее дверях появляется Валерия. Ротмистр кланяется, Валерия отвечает.

Позвольте мне взглянуть на тиражную таблицу.

Валерия протягивает ему газету со стенда.

Ротмистр. Целую ручки! (Углубляется в чтение.)

Вальс обрывается. Из лавки игрушек выходит почтенная дама в сопровождении Чайберкёнига.

Почтенная дама. Я уже покупала у вас оловянных солдатиков, год этак назад... Но тогда за прилавком была такая вежливая девушка.

Чайберкёниг (недовольно). Возможно.

Почтенная дама. Ваша дочь?

Чайберкёниг. У меня нет дочери! У меня никогда не было дочери!

Почтенная дама. Жаль. Значит, вы не закажете для меня коробку оловянных солдат?

Чайберкёниг. Я уже объяснил вам, эти заказы требуют слишком много писанины. Не стану же я заниматься всей этой волокитой из-за одной коробки! Купите мальчугану что-нибудь другое! Например, трубу!

Почтенная дама. Нет уж! Адьё! (Раздраженная, уходит.)

Чайберкёниг. Мое почтение! Чтоб ты сдохла! (Уходит в лавку.)

Валерия (злорадно). Ну, что же мы выиграли, господин ротмистр?

Из табачной лавки быстро выходит Эрих, собираясь уйти.

Стой! Что у тебя там?

Эрих. Пять пачек «Мемфиса».

Валерия. Опять? Курит, как взрослый!

Ротмистр и Оскар прислушиваются.

Эрих (вкрадчиво). Если я не курю, я не могу работать. А если я не смогу работать, я никогда не стану референдарием, а если я им не стану, я никогда не смогу расплатиться с долгами.

Валерия. С какими долгами?

Эрих. Сама знаешь! Я человек порядочный.

Валерия. Порядочный? Опять хочешь обидеть меня?

Эрих. Обидеть? Никогда! Я выплачу все долги, даже если мне придется платить сто лет! Про меня никто не сможет ничего сказать, это дело чести. А теперь мне пора на лекции! (Уходит.)

Валерия (смотрит ему вслед). Дело чести. Тварь...

Ротмистр и Оскар ухмыляются, каждый про себя.

Ротмистр (злорадно, беря реванш). А как вообще делишки, госпожа Валерия?

Эрих (внезапно возвращается, ротмистру). Вы, кажется, ухмылялись? Вы!

Валерия (испуганно). Вы знакомы?

Ротмистр. Немного...

Эрих. Он австриец? Развязный, но трус!

Валерия. Эрих!

Ротмистр. Что он сказал?

Эрих. Я сказал, что на войне австрийки никуда не годились
И если бы не мы, пруссаки...

Ротмистр (перебивает его). То у нас вообще бы не было войны!

Эрих. А Сараево? А Босния-Герцеговина?

Ротмистр. Что вы вообще знаете о войне, вы, щенок?! То, что проходили в школе, и ничего больше!

Эрих. Все лучше, чем учить старых жидовок играть в бридж!

Валерия. Эрих!

Ротмистр. Все лучше, чем жить на содержании у старухи табачницы...

Валерия. Господин ротмистр!

Ротмистр. Пардон! Faux pas, признаю! Lapsus linguae...

(Делает ей руку.) Весьма сожалею, весьма. Но этот недоросль за всю свою жизнь еще не заработал и гроша!

Эрих. Вон!

Валерия. Только не надо дуэли, ради бога!

Эрих. Сatisfакции от вас можно потребовать.

Ротмистр. Желаете предстать перед судом чести?

Валерия. Иисус Мария!

Эрих. Я не позволю себя оскорблять!

Ротмистр. А меня невозможно оскорбить! Вам это невозможно!

Валерия. Ну прошу вас... Такой скандал... (Рыдая, уходит в лавку.)

Ротмистр. Я не позволю, чтобы этот пруссак говорил мне такие вещи. Что делали ваши Гогенцоллерны, когда наши Габсбурги уже были императорами немецко-римской империи? Сидели еще в лесу!

Эрих. Теперь это не имеет значения. (Уходит.)

Ротмистр (кричит ему вслед). Вот тебе двадцать грошей — поцелуй меня в зад, мартышка! (Поворачивается и собирается уйти непринужденной походкой, но задерживается около мясной лавки; Оскару.) Да, чуть было не забыл: вы ведь закалываете сегодня свинью?

Оскар. Собираюсь, господин ротмистр.

Ротмистр. Ну так оставьте для меня порцию почек...

Оскар. С удовольствием, господин ротмистр!

Ротмистр. Мое почтение! (Уходит налево.)

Гимназистка со второго этажа теперь начинает играть вальс «Дунайские волны». Слева медленно появляется Альфред. Оскар хотел было уйти в лавку, но замечает Альфреда, который его не видит, и наблюдает за ним. Альфред задумчиво стоит перед лавкой игрушек, потом подходит к открытой двери табачной лавки и заглядывает внутрь. Пауза. Альфред здоровается. Пауза. В дверях медленно появляется Валерия — и вальс снова обрывается, снова посреди такта. Пауза.

Альфред. Найдется у вас пять пачек «Мемфиса»?

Валерия. Нет.

Пауза.

Альфред. Но ведь это табачная лавка, не так ли?

Валерия. Нет.

Пауза.

Альфред. Я тут случайно, шел мимо...

Валерия. А-а...

Альфред. Да.

Пауза.

Валерия. Ну и как дела, господин барон?

Альфред. Так себе.

Валерия. А как фрейлейн невеста?

Альфред. Тоже так.

Валерия. А-а...

Пауза.

Альфред. А у тебя все в порядке?

Валерия. Ничего. Не нуждаемся.

Альфред. Ни в чем?

Валерия. Ни в чем. Он юрист.

Альфред. И это ничтожество станет когда-нибудь адвокатом.

Валерия. Что?

Альфред. Поздравляю.

Пауза.

Валерия. Нет, ты просто грандиозный подлец, против этого не возразит и злейший твой враг.

Альфред. Валерия, кто из вас без греха, тот пусть первым бросит в меня камень.

Валерия. Ты болен?

Альфред. Нет, просто устал. Измучился. Я ведь не так уж и молод.

Валерия. С каких это пор?

Альфред. Сегодня вечером еду во Францию. В Нанси. Надеюсь, подыщу там себе что-нибудь подходящее, какое-нибудь местечко в солидной фирме... Здесь мне не найти дела по своему масштабу.

Валерия. А что поделяют лошадки?
Альфред. Понятия не имею! Кроме того, нет капитала...

Пауза.

Валерия. Будет время, я тебе посочувствую.

Альфред. Хочешь, чтобы дела у меня шли плохо?

Валерия. А они у тебя хороши?

Альфред. А тебя это интересует? (Пауза.) Я здесь случайно, шел мимо... Вдруг какая-то меланхолия, дай, думаю, взгляну на памятные места... (Уходит.)

Снова слышны звуки вальса «Дунайские волны».

Валерия (замечает Оскара). Господин Оскар! Отгадайте, с кем это я только что дискутировала?

Оскар. Я его видел.

Валерия. Да? Дела у него плохи.

Оскар. Я все слышал.

Пауза.

Валерия. Но он все еще горд, как испанец...

Оскар. Перед падением все надменны... Бедная Марианна...

Валерия. Мне кажется, вы даже теперь женились бы на Марианне, теперь, когда она снова свободна...

Оскар. Если бы не ребенок...

Валерия. Если бы со мной кто-нибудь так поступил...

Оскар. Я все еще люблю ее. Может, ребенок умрет...

Валерия. Господин Оскар!

Оскар. Кто знает! Божья мельница мелет медленно, но мелко. Буду думать о моей Марианне... Всю беду на себя возьму. Кого господь любит, того он испытывает... Того он наказывает. Того он казнит. В пылающей пещи, в раскаленном олове...

Валерия (кричит). Да перестаньте вы, пожалуйста!

Оскар улыбается.

Из лавки выходит Гавличек.

Гавличек. Ну так как? Закалывать мне свинью или нет?
Оскар. Нет, Гавличек. Уж я ее теперь сам заколю, свинью...

Звучат колокола.

7 В соборе святого Стефана

Перед боковым алтарем святого Антония Марииана исповедуется. Колокола смолкают, и наступает великая тишина.

Священник. Итак, подытожим: ты причинила страдания своему отцу, который любит тебя больше всего на свете и который всегда желал тебе только добра, а имел только хлопоты и заботы, ты же была непослушна, неблагодарна и... Ты оставила своего жениха и, гонимая похотью, связалась с падшим субъектом... Тихо! Слышали уже! И вот ты уже больше года живешь с этим несчастным субъектом без святого благословения церкви и, пребывая в сем чудовищном грехе, зачала и произвела на свет ребенка — когда?

Мариана. Восемь недель назад.

Священник. И ты даже не окрестила это дитя греха и позора... Ну, сама подумай: может ли из всего этого произойти что-нибудь хорошее! Никогда! Но этого недовольно! Ты дерзнула посягнуть на убийство в чреве своем... Мариана. Нет, это он! Только ради него и согласилась на это!

Священник. Только ради него?

Мариана. Он не хотел потомства, потому что времена становятся все хуже и неизвестно, когда они станут лучше... А я... нет, клянусь всем святым, мне и теперь, когда я смотрю на него, становится жутко, что я хотела сделать аборт...

Пауза.

Священник. Ребенок с вами?

Марианна. Нет.

Священник. Где же?

Марианна. У родственников. В предместье Вахау.

Священник. Веруют ли они в бога?

Марианна. Конечно.

Пауза.

Священник. Итак, ты раскаиваешься в том, что хотела его умертвить?

Марианна. Да.

Священник. А в том, что живешь в диком браке с этим отродьем?

Пауза.

Марианна. Мне казалось, что я нашла мужчину, который полностью меня заполняет...

Священник. Раскаиваешься?

Пауза.

Марианна. Да.

Священник. А в том, что зачала и произвела на свет ребенка, пребывая в смертном грехе,— раскаиваешься?

Пауза.

Марианна. Нет. Как я могу...

Священник. Что такое?

Марианна. Ведь это мой ребенок...

Священник. Но ты...

Марианна (перебивает его). Нет, в этом нет... Мне даже было бы страшно раскаиваться в этом... Я даже счастлива, что он у меня есть, очень счастлива...

Пауза.

Священник. Ну а раз ты не раскаиваешься, так чего же ты хочешь от господа?

Марианна. Я думала, может, он мне подскажет...

Священник. Ты, стало быть, обращаешься к нему только тогда, когда тебе плохо?

Марианна. Но ведь когда мне хорошо, он со мной... Но нет, он не может требовать, чтобы я в этом раскаивалась... Это было бы вопреки природе...

Священник. Ступай же! И разберись в себе самой, прежде чем представать перед богом... (Осеняет себя крестным знамением.)

Марианна. Ну, тогда простите...

Марианна поднимается с исповедального стула, который растворяется в темноте; слышатся неясные звуки литургии; постепенно становятся различимыми голос диакона и голоса общины; Марианна прислушивается — литургию венчает «Отче наш»; Марианна шевелит губами. Пауза.

Аминь. (Пауза.) Если бог есть, то что ты задумал со мной, господи?.. Господи, я родилась в восьмом квартале, ходила в школу, я совсем не плохой человек, ты слышишь меня?.. Что ты задумал сделать со мной, господи?..

Тишина.

Часть третья

1 В кафе «Хойригер»

На террасе. Кругом гирлянды, играет ансамбль народных инструментов. Царит праздничное оживление: среди других гостей — сидящие в обнимку Цауберкёниг, Валерия и Эрих.

Все (поют).

Под городом Веной, в Вахау
Дунай такой голубой.
Есть маленький домик в Вахау,
Там ждет нас встреча с тобой.
Ты выглянешь из окошка —
Глаза голубы, как Дунай.
О, дай мне счастья немножко,
Алые губки дай.

Вино будет литься,
А девы развиться,
А жизнь будет длиться —
Да только без нас...

На мгновение в кафе устанавливается мертвая тишина, но потом все поют с утроенной силой.

Будем же пить, веселиться,
Будем плясать до утра.
Чему быть, тому верно уж сбыться.
Да здравствует Бахус — ура!

Всеобщее оживление, аплодисменты, парочки танцуют под «Марш Радецкого». Сгущаются сумерки, наплывает туман.

Цауберкёниг. Браво, брависсимо! Сегодня я опять молодой! Да саро, да саро! (Хватает за грудь одну из танцующих девушек, оказавшуюся рядом.)

Кавалер девушки (бьет его по руке). Руки прочь от этих дел!

Девушка. Но это мои дела!

Цауберкёниг. Ладно вам, чего там! У каждого взрослого человека забот полон рот, но сегодня я хочу забыться! Сегодня мне по сердцу весь мир!

Эрих. Люди, слушайте сюда! Разрешите мне грязнуть хайль в честь великолепного венского Хойригера... (Залпом выпивает свой стакан.)

Валерия. Спокойнее, молодой человек! Господи, он всю меня облил!

Эрих. С каждым может случиться! Клянусь честью!

Цауберкёниг. Что, сильно облил? Бедная водичка!

Валерия. Всю насквозь — до самой кожи.

Цауберкёниг. До самой кожи...

Валерия. Ты что, рехнулся?

Эрих. Смирно! (Стучит каблуками и стоит по стойке «смирно».)

Цауберкёниг. Что это с ним?

Валерия. Я уже привыкла. Как напьется, так отдает сам себе команды.

Цауберкёниг. Как долго стоит... Не шелохнувшись! Молодец! Наша еще не пропала! (Падает под стол.)

Валерия. Йезус Мария!

Цауберкёниг. Стол сломался... Официант, другой стул! Эй, другой стул! (Поет в такт музыке.) «Я только в плечико поцеловал и веером по физике тотчас же склонялся...».

Офицант вносит огромное блюдо с салами.

Валерия. Салами, Эрих, салами!

Эрих. Дивизия! Вольно! (Залезает рукой в блюдо и запихивает себе в рот колбасу.)

Цауберкёниг. Как он жрет!

Валерия. Приятного аппетита!

Цауберкёниг. Да не жри ты так!

Валерия. Ему ведь не платить!

Цауберкёниг. А петь он все равно не умеет!

Пауза.

Валерия (Эриху). Почему ты, собственно, не поешь?

Эрих (с полным ртом). Потому что у меня хронический катар!

Валерия. Это из-за того, что ты слишком много куришь!

Эрих (рычит на нее). Опять?!

В бумажной шляпе появляется ротмистр.

Ротмистр (в приподнятом настроении). Целую ручки, прекрасная госпожа Валерия! Ах, какой приятный случай!

Честь имею, господин Цауберкёниг!

Цауберкёниг. Ваше здоровье, господин ротмистр! Ваше здоровье, милый господин ротмистр... (Вытирает до дна и впадает в прострацию.)

Валерия. Позвольте предложить вам салами, господин ротмистр?

У Эриха кусок застревает в горле, он с ненавистью смотрит на ротмистра.

Ротмистр. Вы слишком любезны, целую ручки! Нет-нет, спасибо, не могу больше. (Запихивает в рот два толстых ломтика.) Я уже дважды ужинал сегодня — все визиты... Я сижу вон там, с той компанией. Друг детства моего брата, пропавшего в Сибири... Американец.

Валерия. То есть — мистер!

Ротмистр. Но — уроженец Вены! Двадцать лет пробыл в Штатах, и вот впервые снова на нашем континенте. Когда мы сегодня утром проезжали Хоффбург, у него на глазах стояли слезы... Он — селфмейдмэн. Сам себя сделал!

Валерия. Фу, как вам нестыдно!

Ротмистр. Да. И вот я показываю ему его Вену... Второй день уж... Так все и гуляем...

Валерия. В тихом омуте черти водятся.

Ротмистр. И не только в Америке.

Эрих (с вызовом). В самом деле?

Пауза.

Валерия (подходит к Эриху). Ты еще тут... Заткнись, а не то врежу... Раз уж жрешь мою салами, то будь любезен...

Эрих. Это замечание свидетельствует о низости вашей натурь, дражайшая!

Валерия. Останься!

Эрих. Смирно! Дивизия...

Валерия. Стой!

Эрих. Марш! (Уходит.)

Валерия (кричит ему вслед). Отставить! Отставить!

Мертвая тишина.

Ротмистр. Кто это такой вообще?

Валерия (без эмоций). Это — целая дивизия. Скоро распушь ее, пожалуй, а не то опять все сначала... Кроме того, он родственник этого... (Показывает на Цауберкёнига.)

Снова играет музыка.

Ротмистр. Кстати, о родственниках... Скажите, госпожа Валерия, вас не смущает то, как его величество господин Цауберкёниг относится к фрейлейн Марианне?.. Я этого просто не понимаю. Да хоть бы я был августейшим батюшкой... Ну пожурил, но не обрекать же на голодную смерть...

Валерия. У вас есть новости, господин ротмистр?

Ротмистр. Когда-то у меня была любовница — жена полковника, то есть она у всего полка была в любовницах, о чем я, то бишь... Она была женой нашего полковника, а у полковника был ребенок от одной из варьете, но полковничиха взяла ребенка к себе, как будто это был ее собственный, поскольку сама она была бесплодна... И вот если сравнить с этим цауберкёниговское поведение... Ну уж нет, увольте!

Валерия. Что-то я не понимаю вас, господин ротмистр. Какое отношение имеет полковничиха к Марианне?

Ротмистр. Все мы больше не понимаем друг друга, госпожа Валерия! Зачастую мы и себя-то больше не понимаем. Валерия. А куда подевалась все-таки Марианна? Ротмистр (загадочно улыбаясь). Все это разъяснится — в подходящий момент.

Появляется мистер, совершенно пьяный.

Мистер. Ах, друг мой... Что я вижу? Общество? Друзья? Представь, пожалуйста... Ах, милый друг мой... (Обнимает ротмистра.)

Цауберкёниг (приходя в себя). А это кто такой?

Ротмистр. Это мой дорогой мистер из Америки!

Мистер. Америка! Нью-Йорк! Чикаго!.. Но это все внешнее, а вот тут, внутри, по-прежнему стучит старое, доброе, верное, золотое венское сердце, вечная Вена... И Вахау... И замки над голубым Дунаем... (Подпевает в тakt музыке.) Дунай голубой, голубой...

Все подпевают ему, раскачиваясь всем телом.

Господа, многое изменилось за последнее время, бури и штормы промчались над землей, землетрясения и ураганы, мне пришлось начинать с самого низу, но здесь я дома, здесь все мне родное, мне нравится здесь, я хочу умереть здесь! О, мой старый венский Христос из церкви Марии! (Поет.)

Мать моя родом из Вены,
За что ее так люблю.
Она мне подарила
Не только жизнь и силу,
Но и златую Вену, мою единственную!

Все (поют).

Вена, Вена, лишь ты одна
На радость и счастье нам всем дана,
Вена, Вена, город нашей мечты,
Лучше нет твоей красоты!

Мистер. Да здравствует Вена! Родина! И красавицы венки! И — тоска по родине! И да здравствует мы, венцы, мы все!..

Все. Ура! Ура! Ура!

Все поют.

Цауберкёниг (Валерии). И красавицы венки, ты, пышка, на тебе мне надо было жениться, от тебя у меня был бы совсем другой ребенок...

Валерия. Хватит тебе вспоминать Ирену! Я всегда ее терпеть не могла!

Мистер. Кто это — Ирена?

Цауберкёниг. У меня жена была — Ирена.

Мистер. О, пардон!

Цауберкёниг. О, пожалуйста... А почему бы мне и не ругнуть Ирену? Только потому, что она умерла? Она мне всю жизнь испортила!

Валерия. Ты — демонический человек!

Цауберкёниг (поет).

Померла старуха моя,
И на сердце печаль у меня.
Где еще такую возьму?
И не нужен сам никому.
Целый день слезы горькие лью,
Поминаю старуху мою. Халло-а-хо!

Мистер (вскакивает). Халло-а-хо! Если не ошибаюсь, начинается дождь... Но мы не поддадимся стихиям! Мы еще пойдем гулять — разрази меня гром! Мы ему этого не позволим! (Грозит пальцем небу.) Эй, ты, небесный отец! Я приглашаю всех! Всех! Всех!

Все. Браво! Браво!!

Мистер. Итак, подъем! Вперед! За мной!

Валерия. Куда?

Мистер. Куда-нибудь! Где будет крыша над головой! А не открытое небо! В «Мулен Блё»!

Всеобщие аплодисменты.

Ротмистр. Стоп! Только не в «Мулен Блё», господа! Тогда уж лучше к «Максиму».

На миг устанавливается тишина.

Цауберкёниг. Почему именно к «Максиму»?

Ротмистр. Потому что там бывают всякие неожиданности. Цауберкёниг. Какие еще неожиданности?

Ротмистр. Пикантные. Очень пикантные...

Тишина.

Цауберкёниг. Ну, тогда к «Максиму»!

Все. К «Максиму»!

Маршируют под зонтиками и поют:

Виндобона — город чудес,
Лучше самых сказочных мест,
О тебе все наши мечты,
Нас влечешь и манишь только ты.
И, куда бы ни бросала судьба,
Мы душой с тобою всегда,
Виндобона — австрийский алмаз,
В мире лучшего нету для нас!
Буйная молодость бьет в нас ключом,
Мы танцуем, пьем и поем,
То мы в «Брод» завернем, то в «Максим»,
Выпьем, спляшем и вновь повторим!

Еще бутылочку, друзья,
Холлодеро!
Нам без вина никак нельзя,
Холлодеро!
Бутылок рать не сосчитать,
Холлодеро!
Не уставайте повторять,
Холлодеро!

Гонг, сцена превращается в ресторан «Максим» — с баром и отдельными кабинетами; на заднем плане — сцена кабаре с широкой рампой. Пребывая в самом веселом расположении духа, все закрывают зонтики и занимают места за столиками. Появляется конферансье.

Конферансье (становится перед занавесом). Мои почтенные! Господа! Прелестные дамы и еще более прелестные господа!

Валерия. Ну и ну!

Смех.

Конферансье. От лица нашей дирекции позвольте самым сердечным образом приветствовать вас! Еще Иоганн Вольфганг Гёте, король поэтов, в своем шедевре, нашем бессмертном «Фаусте», сказал: «Что унаследовал ты от отцов, того не забывай, чтоб не лишиться!» В этом духе, любезнейшие, мы и начинаем! Такова, любезнейшие, наша традиция! Итак, прошу последовать за нами — в парад из воспоминаний!..

Под звуки вальса «Венская кровь» Иоганна Штрауса занавес поднимается: несколько дешёвых старинных венских нарядах танцуют вальс, затем занавес падает; неистовый восторг публики, музыка играет «Немецкий марш».

Цауберкёниг (ротмистру). О чём вы говорите! Это же ясно как дважды два, что мы, люди, родственны миру животных!

Ротмистр. Ну, это зависит от мировоззрения!

Цауберкёниг. Или вы все еще верите в Адама и Еву?

Ротмистр. Кто знает!

Мистер (Валерии). Ух, какая ты — дикая кошка!

Цауберкёниг. Дикая кошка, точно! Или даже леопард!

Валерия. Ваше здоровье, Цауберкёниг!

Цауберкёниг. Господин ротмистр — это басенный персонаж, в тебе есть что-то от кенгуру, а мистер — это японский аффен-пинчер!

Мистер (отнюдь не смеясь). Очень смешно, очень смешно!

Цауберкёниг. Ну а я??

Валерия. Олень! Старый олень! Выпьем, старый олень!

Громкий смех. На столе звонит телефон. Все замолкают.

Цауберкёниг (снимает трубку). Алло! Что? Кто говорит?
Маузи? Знать не знаю, кто это... Ах так! Да, да, это я,
конечно, твой дядя... Что такое? Ах ты свиненок!.. Где?
У бара? В зеленом платье?.. Что? Ты еще девушка?
И думаешь, твой дядя в это поверит? Ну уж это я про-
верю!.. (Бешаёт трубку и залпом выпивает бокал шам-
панского, заказанный мистером.)

Валерия. Не пей так много, Леопольд.

Цаурберкёниг. А ты помалкивай! (Встает.) Для нас, стари-
ков, в алкоголе вся радость! Где тут бар?

Валерия. Какой бар?

Цауберкёниг. Где бар, поганцы?!

Ротмистр. Я провожу вас...

Цауберкёниг. Я сам найду!.. Нечего мне держать свечку!
Идемте же, проводите...

Ротмистр отводит его к бару, где его уже ждут две девушки, одна из которых, в зеленом платье, радостно
бросается ему навстречу; ротмистр также остается у бара.

Мистер (Валерии). Кто это такой вообще?

Валерия. Кукольник.

Мистер. О!

Валерия. Да. А вообще человек он незаурядный, скромный
и порядочный, настоящий бюргер старой закалки... Этот
сорт уже вымирает.

Мистер. К сожалению!

Валерия. Сегодня он, к сожалению, пьян...

Мистер. Ах, как вы это говорите! Какой шарм! У нас, в
Америке, люди так грубы.

Валерия. Сколько вы весите?

Мистер. Двести восемнадцать фунтов.

Валерия. Мой бог!

Мистер. Могу я с вами быть откровенным?

Валерия. Я прошу вас об этом.

Мистер. Со мной очень сложно.

Валерия. То есть?

Мистер. Дело в том, что я внутренне мертв. Я способен иметь
дело почти исключительно с проститутками... Все это из-
за массы разочарований, которые я пережил.

Валерия. Новое дело. Столь хрупкая душа в таком могучем
теле.

Мистер. Моя планета — Сатурн.

Валерия. Да, все дело в планетах! Все от них — и тут уж
ничего нельзя поделать!

Гонг. Появляется конферансье.

Конферансье (становится перед занавесом). Мои почтен-
нейшие! И вновь — великолепный номер! Не буду гово-
рить лишних слов, сейчас вы все увидите сами. Итак, на-
ши сенсационные высокохудожественные мастера живой
скульптуры. Первым номером — феи Дунай! Прошу, гос-
подин капельмейстер! (Уходит.)

Оркестр играет вальс «Голубой Дунай», в зале гаснет свет;
занавес поднимается, на сцене — три полуобнаженные
девушки с русалочьими хвостами. У одной из
них в руках лира, все трое образуют живописную группу,
выхваченную зеленым лучом на черном фоне; со сто-
роны бара раздается голос Цауберкёнига: «Голые бабы —
это дело!» Занавес опускается, бурные аплодисменты.
Гонг. Вновь появляется конферансье.

Конферансье. Картина вторая: «Наш дирижабль!»

Крики «Браво!».

Прошу, господин капельмейстер!

Звучит «Император Фридрих», на сцене стоят три об-
наженные девушки, в руках у одной из них пропел-

лер, другой — глобус и третьей — маленький дирижабль; публика неистовствует от восторга, вскакивает с мест, запевает гимн, затем постепенно успокаивается. Гонг.

Конферансье. Ну а теперь любезнейшие, третья картина: «Охота за счастьем».

Мертвая тишина.

Прошу, господин капельмейстер...

Звучат «Мечтания» Шумана, занавес вновь раздвигается: группа обнаженных девушек, оттесняя друг друга, пытается догнать золотой шар, на котором на одной ноге стоит Счастье — его роль исполняет обнаженная Мария.

Валерия (пронзительно кричит в темном зале). Марианна! Иисус Мария! Марианна!

Марианна вздрагивает, теряет равновесие, спрыгивает на пол и, ослепленная прожекторами, смотрит в темный зал.

Мистер. Что случилось?

Валерия (вне себя). Марианна! Марианна! Марианна!

Мистер (теряя самообладание). Не ори! Ты что, свихнулась? Валерия. Марианна!

Мистер. Цыц! Вот тебе Марианна! (Бьет ее кулаком в грудь.)

Валерия кричит. Волнение в публике, крики: «Света! Света!»

Конферансье (выскакивает на сцену). Занавес! Что случилось? Свет! Занавес! Свет!

Занавес падает, закрывая неподвижно стоящую на сцене Марианну — остальные девушки разбежались; в зале зажигается свет, и на какое-то время воцаряется мертвая тишина. Все смотрят на Валерию, которая уронила голову на стол и бьется в пьяной истерике. Цауберкёниг стоит у бара, держась за сердце.

Валерия (причитает). Марианна... Марианна... Милая мышка Марианна.. Ох, ох, ох, я ведь знаю ее с пяти лет, господа!..

Конферансье. О ком это она?

Мистер. Понятия не имею!

Конферансье. Истерика?

Мистер. Эпилепсия!

Чей-то спокойный голос. Да выставьте вы ее за дверь, пьяную тварь!

Валерия. Я не пьяная, господа! О нет, нет, нет! (Вскакивает, бросается к двери, но спотыкается о собственное платье, падает, опрокидывая стол и разбивая лицо в кровь.) Нет, я не вынесу этого, не могу, я же не деревянная, я ведь еще молода, господа, не вынесу, не вынесу!! (Выбегает рывком.)

Все, кроме Цауберкёнига, ошарашенно смотрят ей вслед. После паузы звучит гонг.

Конферансье (вскакивает на стул). Мои почтеннейшие! Дамы и господа! Наша официальная программа закончилась! А теперь в баре начинается неофициальная часть!

Со стороны бара доносится танцевальная музыка.

От лица дирекции благодарю вас за массовое посещение и желаю вам приятно провести ночь! До свидания, господа!

Господа постепенно освобождают зал.

Цауберкёниг. Господин ротмистр...

Ротмистр. Да?

Цауберкёниг. Так вот почему вы не хотели идти в «Мулен Блё», а хотели сюда. Это и есть обещанные пикантные неожиданности... Странно, у меня ведь было предчувствие, что обернется все это против меня...

Ротмистр. Я знал, что фрейлейн Марианна здесь выступает... Я ведь часто бываю здесь — только вчера последний раз... И у меня сердце разрывается смотреть на это! А у вас оно каменное...

Цауберкёниг. Что вы лезете не в свое дело, вы, вояка!!
Ротмистр. Мой человеческий долг...

Цауберкёниг (прерывает его). Это еще что за штука?
Ротмистр. Нет, вы не человек!

Цауберкёниг. Приятно слышать! Весьма приятно! Кто же я такой, если не человек, а? Скотина, что ли? С вас становится! Но я не скотина! Понятно? И у меня нет дочери, ясно??

Ротмистр. Мне здесь больше нечего делать. (Сухо кланяется и уходит.)

Цауберкёниг. Как будто я здесь что-то забыл! Негодяй!
Пропаща моя жизнь, господин мистер! Вот сесть бы да накатать да разослать всем открытки, чтоб вы все от зависи лопнули, узнав, как я счастлив!

Мистер. Открытки — это идея! Блестящая идея! Открытки, открытки... (Покупает у продавщицы сразу целую пачку, садится в сторонку за стол и пишет.)

В зале остались только он и Цауберкёниг; со стороны бара доносится танцевальная музыка. Медленно появляется Марианна в халате и останавливается перед Цауберкёнигом. Смерив ее взглядом сверху донизу, Цауберкёниг отворачивается. Пауза.

Марианна. Почему ты не стал читать мои письма? Я послала тебе три. И все три пришли обратно. (Пауза.) Я тебе писала, что он меня бросил...

Цауберкёниг (медленно поворачивается к ней, глядя с неизвестностью). Знаю. (Снова отворачивается. Пауза.)

Марианна. А что у меня есть ребенок, тоже знаешь?

Цауберкёниг. Конечно!

Пауза.

Марианна. Нам очень трудно живется, мне и маленькому Леопольду...

Цауберкёниг. Что? Леопольду? Леопольд — это я! Ну, уж дальше некуда! Свой срам называют моим именем! Не хватало! Все! (Встает, но вынужден снова сесть.)

Марианна. Ты пьян, папа...

Цауберкёниг. Только не хами! Я тебе не папа, раз всегда! Не хами, а то... (Замахивается.) Подумай лучше о матери! Мертвые все слышат!

Марианна. Если бы мама была жива...

Цауберкёниг. Маму свою не трожь — не позволю! Да если б она увидела тебя тут — голой на сцене... На глазах у толпы... Неужели совсем стыд потеряла? Тыфу, дьявол!

Марианна. Нет, стыд — это роскошь, которую я не могу себе позволить.

Пауза. Музыка в баре смолкла.

Я получаю здесь два шиллинга в день. Немного — на двоих с Леопольдом... А что еще мне делать? Ты ведь ничему не научил меня, даже ритмической гимнастике толком, все воспитывал меня для брака...

Цауберкёниг. Нет, какова тварь! Я же еще и виноват!

Марианна. Послушай, папа...

Цауберкёниг (прерывает ее). Я не папа!

Марианна (ударяет кулаком по столу). Заткнись! Ты мой отец, кто ж еще? И послушай — если так пойдет дальше и я не смогу зарабатывать — а продаваться мужчинам я не могу, пробовала, но не могу, я только тому могу принадлежать, кого люблю... а кроме тела, у меня за душой ничего нет... Так вот, если так пойдет дальше, тогда останется только одно — поезд.

Цауберкёниг. Какой поезд?

Марианна. Обыкновенный поезд. На котором ездят. Брошусь под поезд...

Цауберкёниг. Ага. Еще и это. Заготовила мне еще один подарочек... (Внезапно плачет.) Ах ты свинья, что же ты

со мной делаешь, на старости лет? Один позор за другим... господи, за что же мне на старости-то лет?!

Марианна (резко). Хватит думать все о себе да о себе! Чайберкёниг (перестает плакать, приходит в ярость). Ну и бросайся под свой поезд! Бросайся! Со своим ублюдком вместе!! Ох, как мне тяжко, как тяжко... Хоть бы вырвало... (Наклоняется над столом, но все-таки выпрямляется.) Подумай хоть о своем небесном отце! О нашем небесном отце — там, наверху... (Уходит, шатаясь.)

Марианна (смотрит ему вслед, потом наверх, туда, где не бо; тихо). Там, наверху...

В баре снова раздается танцевальная музыка.

Мистер (закончив писать открытки, обнаруживает Марианну, которая все еще смотрит на небо). О примадонна... (Разглядывает ее с улыбкой.) Скажите... У вас нет с собой, случайно, почтовых марок?

Марианна. Нет.

Мистер (медленно). Видите ли, мне нужны десять марок по двадцать грошей, а плачу я за них пятьдесят шиллингов. (Пауза.) Шестьдесят. (Пауза. Вынимает бумажник.) Вот шиллинги, а вот доллары...

Марианна. Покажите.

Мистер показывает ей бумажник. Пауза.

Шестьдесят?

Мистер. Шестьдесят пять.

Марианна. Это большая сумма.

Мистер. Ее нужно заслужить.

Пауза. Музыка снова смолкла.

Марианна. Нет. Спасибо. (Возвращает ему бумажник.)

Мистер. Что это значит?

Марианна. Не могу. Вы ошиблись на мой счет...

Мистер (хватает ее вдруг за руку и рычит). Стой! Ты обо-

крада меня, ты, шлюха, воровка, преступница, разожми кулак, разожми!

Марианна. Ой!

Мистер. Вот! Сто шиллингов! Думаешь, я не вижу, шлюха подзаборная?! (Бьет ее по щеке.) Полиция! Полиция!

Из бара выбегают люди.

Конферансье. Ради бога, что случилось?

Мистер. Эта шлюха меня обчистила! Сто шиллингов! Сто шиллингов! Полиция!

Марианна (вырывается из его рук). Перестаньте меня бить! Я не хочу, чтобы меня опять били!

Появляется баронесса. Марианна кричит от ужаса.

2 В предместье Вахау

Альфред сидит со своей башкой на закатном солнце перед домом. Неподалеку — детская коляска.

Башка. Я всегда считала тебя врунницей, но что ты такое дермо, мне и присниться не могло! Занять у меня триста шиллингов на дорогу во Францию и три недели спустя явиться с признанием: ни в какой Франции он и в помине не был, а все спустил на бегах! Кончишь там, где сидит твоя чистюля Марианна! В тюрьме!

Альфред. Во-первых, она сидит не в тюрьме, а в камере предварительного заключения, и завтра у нее процесс... А во-вторых, было только покушение на воровство, ущерба не причинено никакого, так что у нее смягчающие обстоятельства, и осудят ее условно, поскольку ранее она не судилась...

Башка. Защищай ее, защищай... Как я в тебе ошиблась! Ведь всегда знала, что ты преступник!

Альфред. Что ж, не простишь меня?

Башка. Чтоб ты сдох!

Альфред. Бе-е-е! (Показывает ей язык.)

Бабушка. Бе-е-е! (Показывает ему язык. Пауза.)

Альфред (встает). Ну что ж, скоро ты меня теперь не увидишь.

Бабушка. А три сотни? И сто пятьдесят с прошлого года?

Альфред. И хоть ты тресни, а я точно чувствую, в судьбе Марианны есть в какой-то степени немногого и моей вины... (Проподнимает свою соломенную шляпу, в то время как бабушка ошело глядит на него.) Целую ручки, бабуля! (Уходит.)

Бабушка (вне себя от гнева). Убирайся! Дрянь сраная! Сказать мне такое в лицо! Вон! Марш! Дерьмо поганое! (Садится за столик, на котором лежит ее цитра; настраивает ее.)

Из дома выходит мать.

Мать. Альфред ушел уже?

Бабушка. Слава богу!

Мать. А со мной даже не попрощался...

Бабушка. Да уж, сыночек у тебя, нечего сказать... Хам и лентяй! Весь в папочку!

Мать. Оставь хоть его-то в покое! Он уже десять лет как в земле, а ты все не угомонишься!

Бабушка. А кто его спровадил так рано в землю-то? Я, что ли? Или любимая водка?.. Пропил все твое приданое!

Мать. Не желаю больше этого слышать, не желаю!

Бабушка. Заткнись! (Играет на цитре старый австрийский марш.)

Мать (забоченно склоняется над детской коляской; бабушка перестает играть). Как бы с ним чего не случилось, с маленьким Леопольдом... Он так сильно кашляет, а теперь вот щечки покраснели и взгляд такой странный... Тогда вот с малышом Людвигом все тоже так начиналось...

Бабушка. Бог дал — бог взял.

Мать. Мама!

Бабушка. Мамочка в тюрьме, а папочку ветер носит! Уж лучше на тот свет!

Мать. Тебе-то хочется на тот свет?

Бабушка (кричит). Ты меня с ним не сравнивай! (Показывает на детскую коляску.) Мои родители были честные люди! (Яростно наигрывает менуэт.)

Мать. Да перестань ты играть!

Бабушка (прерывает игру). Чего ты орешь? Рехнулась?

Смотрят друг на друга. Пауза.

Мать (с трудом). Мама... я все видела...

Бабушка. Что?

Мать. Что ты делала ночью...

Пауза.

Бабушка. А что я делала?

Мать. Открыла оба окна и поставила кроватку с Леопольдом на сквозняк...

Бабушка (произительно кричит). Тебе приснилось! Тебе приснилось!

Мать. Нет, не приснилось. И хоть ты тресни!

3 И снова тихая уличка в восьмом квартале

Ротмистр все еще разглядывает тиражную таблицу, а Валерия стоит в дверях своей табачной лавки. Все вообще по-старому, только на витрине лавки игрушек виднеется объявление: «Распродажа».

Валерия (злорадно). Ну, что мы выиграли, господин ротмистр?

Ротмистр (возвращая ей газету). Сегодня суббота, госпожа Валерия. А завтра — воскресенье.

Валерия. Таков уж наш земной путь, господин ротмистр.

Ротмистр. Распродажа! Совесть моя чиста, и все же... Тогда в «Максиме» я действовал из альтруистических побуждений... Все хотел помирить всех, помирить... А начались

трагедия за трагедией. Бедную Марианну бросили за решетку и осудили...

Валерия (перебивает его). Условно, господин ротмистр! Условно!

Пауза.

Ротмистр. Он все еще сердится на меня, господин Цауберкениг?

Валерия. Из-за чего это?

Ротмистр. Ну, я полагаю, из-за той вот фатальной ситуации в «Максиме», что я ему подстроил!

Валерия. Ну что вы, господин ротмистр! После всего, что он перенес, до того ли ему — сердиться на вас... Он вообще как-то обмяк, сломался, пожалуй. Как услышал тогда, что Марианна украла, так его удар и хватил!

Ротмистр. Такой удар — это не шутка.

Валерия. Уж он почти слышал музыку сфер.

Ротмистр. Что вы называете музыкой сфер?

Валерия. Когда кто-нибудь уже при смерти, душа его покидает тело, но не сразу, сначала только половина души, она взлетает высоко вверх, все выше и выше и слышит там такую особенную мелодию, это и есть музыка сфер... (Пауза.)

Ротмистр. Возможно. Само по себе это...

Гимназистка со второго этажа начинает играть вальс Иоганна Штрауса.

Валерия. Вы можете хранить тайну, господин ротмистр?

Ротмистр. Конечно!

Валерия. Честное слово?

Ротмистр. Ну, если уж я, старый офицер, не могу хранить военных тайн!

Пауза.

Валерия. Господин ротмистр. Она была у меня.

Ротмистр. Кто?

Валерия. Марианна. Да, да, Марианна. Приходила ко мне в гости. Четыре недели отсидела в предварительном заключении, а теперь ей нечего есть... Одна гордость, больше у нее ничего не осталось! Но и гордость я повыколотила, это уж точно! До самого донышка! Уж вы на меня положитесь, господин ротмистр, я еще помирю ее с отцом. Женщина скорее поймет женщину, чем мужчина — венец творения. Вы тогда в «Максиме» слишком прямо взялись за дело. Господи, как я тогда испугалась!

Ротмистр. Все хорошо, что хорошо кончается!

Справа быстро входит Эрих, он намеревался зайти в лавку игрушек, но замечает ротмистра и смотрит на него — гимназистка обрывает игру посреди такта. Ротмистр презрительно смотрит на Эриха, затем вежливо кланяется Валерии и уходит, почти задевая Эриха. Эрих мрачно смотрит ему вслед, потом разглядывает Валерию. Валерия хочет уйти в лавку.

Эрих. Стой! Прошу прощения, любезнейшая! Хочу лишь обратить ваше внимание на то, что мы видимся, вероятно, в последний раз.

Валерия. Будем надеяться!

Эрих. Дело в том, что утром я уезжаю... Навсегда.

Валерия. Счастливого пути!

Эрих. Благодарю! (Кланяется с прежней вежливостью и хочет уйти в лавку игрушек.)

Валерия (внезапно). Стой!

Эрих. Слушаюсь!

Пауза.

Валерия. Нельзя же так прощаться... Подадим друг другу руки, расстанемся друзьями...

Эрих. Хорошо. (Подает ей руку; затем достает из кармана записную книжку и листает ее.) Здесь все записано, все расходы — каждая сигарета.

Валерия (дружески). Не нужны мне твои сигареты...

Эрих. Дело чести!

Валерия (гладит его по руке, в которой он держит записную книжку). Ты совсем не психолог, Эрих... (Дружески кивает ему и исчезает в лавке.)

Гимназистка снова играет.

Эрих (смотрит ей вслед; оставшись один). Старое пятидесятилетнее дермо. (Уходит в лавку игрушек.)

Из мясной лавки выходит Оскар в сопровождении Альфреда.

Оскар. Итак, я вам глубоко благодарен за визит... И за то, что мы договорились по вопросу о Марианне.

Альфред. Дело решенное — я расстаюсь с ней... Навсегда. (Замечает объявление в витрине лавки игрушек.) Что такое? Распродажа?

Оскар (улыбаясь). Да уж, мой господин... К тому идет, если только, конечно, он не помирится с нашей Марианной...

Один, так сказать, соло, старик это уже не потянет...

Альфред. Как все это печально! Поверьте, я совершенно не виноват во всей этой истории... Просто не могу ничего в ней понять. Мне ведь так хорошо жилось до этого, без забот и хлопот... И потом вдруг эти сумасшедшие приключения — и поделом мне, черт знает, что мне взбрело на ум!

Оскар. То была великая любовь.

Альфред. Ну нет! На это у меня нет талантов... Просто я слишком мягок. Не умею отказывать, вот и нарываюсь. Я ведь в самом деле не хотел тогда разрушать вашу помолвку, да вот Марианну было не свернуть: все или ничего. Понимаете?

Оскар. Это нетрудно. Мужчина только кажется активной стороной, а женщина только кажется пассивной, а если присмотреться...

Альфред. Открываются бездны.

Оскар. Поэтому-то я никогда не сердился на вас лично... Ни когда не желал вам зла... А вот Марианна — дело другое...

(Улыбается.) Да, ей пришлось жестоко заплатить за все, дурехе... За эту страсть всей жизни...

Альфред. Нет, столько людей толкнуть на несчастье! Право, мы, мужчины, должны держаться друг друга!

Оскар. Слишком уж мы наивны.

Альфред. Вот именно.

Гимназистка вновь обрывает игру.

Господин Оскар. Уж и не знаю, как вас благодарить за то, что вы взялись помирить меня с госпожой Валерией...

Оскар (прерывает его). Тсс!

Чауберкёниг провожает Эриха из своей лавки, оба не замечают Альфреда с Оскаром, которые укрылись в дверях мясной лавки.

Чауберкёниг. Еще раз — счастливого пути, Эрих! Крепкого здоровья и счастливого возвращения в Дессау!

Эрих. В Кассель, дядя!

Чауберкёниг. Что Кассель, что Дессау — никогда не выучу! И не забывай наш стольный град Вену и твоего старого дядю!

Эрих еще раз прищелкивает каблуками, скруто кланяется и уходит не оглядываясь.

(С чувством смотрит ему вслед, затем замечает Валерию, которая вышла на голос Эриха.) Молодец, а?

Гимназистка снова начинает играть. Валерия медленно кивает в знак согласия.

(Берет газету со стендса и перелистывает ее.) Да, Европа должна объединиться, иначе в следующей войне мы все погибнем... Нет, полюбуйтесь! Что вытворяют опять эти чехи! Я тебе говорю — войны не миновать! И война нужна! Война всегда кстати!

Валерия (думает о своем). Это уж точно. Но это означало бы конец нашей культуры.

Цауберкёниг. Культура культурой, а война — это закон природы! В точности как конкуренция в деловой жизни! Я-то вне конкуренции, потому что у меня товар особенный. И все равно вот разорился. Одному мне не вытянуть дела, покупатели раздражают меня до ужаса... Раньше ведь тут была жена, а как она стала хворать, подросла Марианна, была уж вот такой...

Валерия. Какой?

Цауберкёниг. Вот такой!

Пауза.

Валерия. Если бы я была дедушкой...

Цауберкёниг (прерывает ее). Но я не дедушка, и я не позволю! (Хватается за сердце, вальс обрывается.) Не расстраивай ты меня! Ох, сердце мое, сердце...

Пауза.

Валерия. Болит?

Цауберкёниг. Зверски... Ты же знаешь, что врач сказал...

Удар может хватить меня в любую минуту...

Валерия. Это я по своему благоверному помню... Колет?

Цауберкёниг. Колет... Колет...

Валерия. Леопольд. Господь бог посыпает тебе знак... Ведь ты еще среди нас... Тихо! Не волнуйся, ты только не волнуйся... А не то — удар, удар, и все... Помирился бы лучше, старый осел... Помирись и снова наладишь свое дело, снова будет все хорошо, хорошо, хорошо!

Пауза.

Цауберкёниг. Ты думаешь?

Валерия. Слыши, Марианна совсем не плохой человек, ну, глупая баба, и весь грех... Бедная, глупая баба...

Цауберкёниг. Глупая — это точно... Как корова!

Валерия. Вот и вздумала переделать мир по своему подобию, да мир-то подчиняется одному разуму, не так ли, дедушка?

Цауберкёниг. Дедушка?

Валерия. Да.

Пауза. Затем снова играет гимназистка. Цауберкёниг медленно отходит от Валерии, останавливается у витрины своей лавки и рассматривает объявление о распродаже; потом он дружески кивает Валерии, срывает объявление и исчезает в лавке. Валерия удовлетворенно ухмыляется и сует в рот сигарету.

Оскар. Госпожа Валерия! У меня для вас сюрприз!

Валерия. Какой сюрприз?

Оскар. Кое-кто хочет помириться с вами.

Валерия. Кто? Эрих?

Оскар. Нет.

Валерия. Кто же?

Оскар. Вон там...

Валерия подходит к мясной лавке и замечает Альфреда.

Альфред кланяется. Пауза.

Валерия. Ах!

Музыка снова обрывается.

Альфред. Ты не подозреваешь, какой внутренней борьбы мне стоило это раскаяние, этот путь в Каноссу... Я стыжусь самого себя, как вспомню, что я тебе причинил.

Валерия. Мне?

Альфред. Да.

Валерия. Когда же?

Альфред озадаченно смотрит на нее.

Мне ты не сделал ничего дурного.

Альфред (удивлен еще больше; смущенно улыбаясь). Ну, ведь я все же бросил тебя...

Валерия. Ты — меня! Я — тебя! И кроме того, дурного в этом ничего не было, а было только хорошее, заруби себе это на носу, ты, надутый павлин!

Альфред. Мы расстались друзьями, верно?

Валерия. Мы расстались навсегда, верно?! Потому что я не желаю в будущем иметь дело с законченным негодяем!

Пауза.

Альфред. Почему же законченным? Ты ведь только что сказала, что я тебе ничего не сделал!

Валерия. Мне ничего! Зато Марианне! А своему ребенку?

Пауза.

Альфред. Марианна всегда говорила, я владею гипнозом...
(Кричит на нее.) Разве я виноват, что так действую на женщин?

Валерия. Не кричи на меня!

Оскар. По моему мнению, господин Альфред относительно хорошо относился к Марианне...

Валерия. Мужчины так и держатся друг за дружку! Ну, ничего, у меня еще тоже есть чувство женской солидарности! (Альфреду.) А ты в моих глазах вот такой малюсенький, вот такой!

Пауза.

Альфред. Я — разбитая армия. Можешь не повторять мне, что я плохой человек, и сам знаю, но все дело в том, что я — слабый человек. Мне всегда нужен кто-нибудь, о ком я могу и должен заботиться, иначе я погибну. А о Марианне я не мог заботиться, тут уж мне на редкость не повезло... Да, мне б немножко деньжат, я бы снова мог заработать на бегах, хоть она и слышать об этом не хотела...

Валерия. Не хотела и слышать об этом?

Альфред. По моральным соображениям.

Валерия. Ну, уж это глупо с ее стороны, когда это твоя область.

Альфред. Вот видишь! И из-за этой разницы во взглядах на жизнь и оборвалась в конце концов наша связь. Сама собой.

Валерия. Не ври.

Пауза.

Альфред. Валерия. Ведь когда-то я торговал кремом для кожи, авторучками и восточными коврами... Чего мне только не удавалось... А теперь я в совершенно идиотской ситуации. Раньше ведь ты всегда меня понимала...

Валерия (перебивает его). Ну а как там было во Франции?

Альфред. Относительно так же, как здесь.

Валерия. А француженки каковы?

Альфред. Как и французы — неблагодарны.

Валерия (улыбаясь). Негодяй. Что ты станешь делать, если я одолжу тебе пятьдесят шиллингов?

Пауза.

Альфред. Пятьдесят?

Валерия. Да.

Альфред. Телеграфирую в Мэзон-Лаффит, там...

Валерия (прерывает его). Ну а потом? Потом?

Альфред. Что потом?

Валерия. Что ты будешь делать с выигрышем?

Пауза.

Альфред (хитро улыбаясь). Предполагаемый выигрыш я завтра самолично вручу моему сыночку...

Валерия. Посмотрим! Посмотрим!

Быстро входит Марианна и испуганно останавливается.

Оскар. Марианна!

Валерия. Ну вот, наконец!

Марианна обводит всех взглядом и порывается уйти.

Стой! Останься! Ну-ка давайте все вместе выметем весь сор дочиста! Помиримся — и дело с концом!

Пауза.

Оскар. Марианна. Я тебе охотно прощаю все, что ты мне причинила... Ибо любить — это большее счастье, чем быть любимым... Если есть в тебе хоть искра чувства, то ты не можешь не чувствовать, что я и теперь повел бы тебя к венцу, если б ты была свободна... Я имею в виду ребенка...

Пауза.

Марианна. О чём ты?

Оскар (улыбаясь). Мне его жалко.

Марианна. Кого?

Оскар. Ребенка...

Пауза.

Марианна. Оставь ребенка в покое... Что он тебе сделал?
И не смотри на меня такими глупыми глазами!

Валерия. Марианна! Мы ведь миримся!

Марианна (показывает на Альфреда). Но не с этим!

Валерия. И с этим тоже! Все или ничего! Он тоже всего-
навсего человек!

Альфред. Спасибо тебе.

Марианна. Вчера еще ты говорила, что он подлая тварь.

Валерия. Вчера — это вчера, а сегодня — сегодня, а кроме
того, заботясь лучше о собственных делах.

Альфред. Лишь тот, кто изменчив, сходен со мной.

Оскар (*Марианне*).

Ибо до тех пор, пока ты не обрел
Этого «Умри и стань»,—
Ты лишь печальный гость
На этой темной земле!

Марианна (*ухмыляясь*). Господи, какие вы все образован-
ные...

Оскар. Да ведь это стишки из календаря!

Валерия. Стишки стишками, а человек есть человек, с его
пороками и недостатками... Ты ведь тоже не очень-то хо-
рошой оказалась для него поддержкой!

Марианна. Я делала, что могла!

Валерия. Ты еще слишком молода, вот!

Пауза.

Альфред. В конце концов, и я был не ангел.

Валерия. В конце концов, в таком деле никто не бывает
виноват — все зависит от планет, от взаимного излучения
и всяких таких вещей.

Марианна. Но я-то отсидела. (Пауза.) Они меня так уни-
зили.

Оскар. Ну, полиция не носит глазированных перчаток.

Валерия. Но ведь то были по крайней мере женщины? Ну,
женщины-полицейские?

Марианна. Частично.

Валерия. Ну так! (Пауза.) Марианна, а теперь ступай вон
туда. (Показывает на лавку игрушек.)

Марианна. И что?

Валерия. Иди, иди..

Марианна. На твою ответственность...

Валерия. На мою ответственность...

Пауза.

Марианна (*медленно подходит к лавке игрушек, берется за
ручку двери, потом снова поворачивается к Валерии,
Альфреду и Оскару*). Я только хотела еще кое-что ска-
зать. Мне на все это, в конце концов, глубоко наплевать..
И если я делаю это, то только ради мальчика Леопольда,
который ведь ни в чем не виноват... (Открывает дверь, и
раздается привычный как ни в чем не бывало звонок.)

4 В предместье Вахау

Бабушка сидит на солнышке, а мать чистит кар-
тошку. Детской коляски нигде не видно.

Бабушка. Фрида! Ты уже ей написала?

Мать. Нет.

Ба буш ка. Что ж, мне, что ли, писать? (Пауза.) Поскольку адрес любезного господина Альфреда нам неизвестен, надо написать ей...

Мать. Напишу, напишу... Они же нас еще упрекать станут, что мы недоглядели...

Ба буш ка. Мы? Ты! Ты, наверно, хочешь сказать — ты!

Мать. Я-то здесь при чем?

Ба буш ка. А кто тебя надоумил взять ребенка к себе, я, что ли? Сама надумала — ей, видите ли, захотелось маленько-го, миленького... Я всегда была против. С этим делом одни только заботы!

Мать. Ладно. Опять я виновата. Ладно. Может, я и в том виновата, что мальши Леопольд простудился... В том, что теперь он на небе?! Господи, как все это ужасно!

Пауза.

Ба буш ка. Может, ей все это не так уж ужасно... Я имею в виду твою фрейлейн Марианну... Фрейлейн этого сорта — птички известные... Может, она рада-радешенька, что избавилась от него...

Мать. Мама, ты в своем уме?

Ба буш ка. Что ты несешь, ты, скотина?!

Мать. А что ты несешь, чудовище?! Фрейлейн, в конце концов, мать, такая же, как и ты!!

Ба буш ка (пронзительно кричит). Не сравнивай меня с ней! Я своего ребенка родила честно, или ты — внебрачный ублюдок?! Где нет благословения сверху, добра не жди — и поделом! Иначе что с нами бы стало?! Пиши ей наконец письмо, а если у тебя нет смелости, то я тебе продиктую! (Встаёт.) Садись сюда! Вот тебе бумага и карандаш — я уж все подготовила.

Мать. Чудовище...

Ба буш ка. Щщ! Садись! Пиши! Будь довольна, что я тебе помогаю.

Мать садится.

(Ходит согнувшись и диктует.) Дорогая фрейлейн!.. Да, да, именно: фрейлейн!.. К сожалению, должны сообщить вам печальную новость. Всемогущий бог, а пути его неисповедимы, пожелал, чтобы вы, дорогая фрейлейн, остались впредь без ребенка. Ребенок только немного простудился, но потом быстро скончался... Точка. Но утешайтесь: всемогущий бог любит невинных детей. Точка. С красной строки.

Появляется *Марианна* вместе с *Цауберкёнигом*, *Валерией*, *Оскаром* и *Альфредом*, которых она немного опередила.

Марианна. Здравствуйте, дорогая фрау Центнер! Мое почтение, бабушка! Как я давно здесь не была, как я рада вас видеть... Это мой отец!

Цауберкёниг кланяется.

Мать (замечает Альфреда). Альфред!

Марианна (ей вдруг становится не по себе). Да что с вами?..

Бабушка протягивает ей письмо.

(Машинально берет письмо и робко озирается; тихо.) Где же он... где он?..

Ба буш ка. Читайте, пожалуйста. Читайте...

Марианна читает письмо.

Цауберкёниг. Ну так где же он, маленький Леопольд? (Машет погремушкой.) Деда приехал! Деда!

Марианна роняет письмо. Пауза.

(С внезапным испугом.) Марианна? Что-нибудь случилось? Валерия (подняв письмо и прочитав, кричит). Боже! Он мертв! Он мертв, маленький Леопольд!

Альфред. Мертв?!

Валерия. Мертв. (Рыдает.)

Альфред машинально заключает ее в свои объятья. Цауберкёниг теряет равновесие, роняет игрушку и закрывает лицо руками. Пауза. Бабушка с любопытством поднимает игрушку и гремит ею. Марианна наблюдает за ней, потом вдруг бросается на нее с цитрой, которая лежала на столике. Оскар хватает ее за горло. Марианна задыхается и роняет цитру. Пауза.

Ба б у ш к а (поднимает цитру, тихо). Сволочь. Тварь. Тюремщица. На меня? Поднять руку на меня?

Мат ь (внезапно кричит на бабушку). А ну, убирайся в дом! Живо! Живо!

*Ба б у ш к а (медленно подходит к матери). Тебе уж давно хочется спровадить меня на тот свет, а? Да не тут-то было, не тут-то было! На! (Бьет мать по щеке.) Что б вам сгинуть всем, кто желает мне смерти! (Уходит с цитрой в дом.)
Пауза.*

Мат ь (рыдает). Ну, ты мне за это заплатишь... (Уходит за ней.) Цауберкёниг (медленно отрывает руки от лица). Второй удар, второй удар... нет, нет, нет, господи, не забирай меня еще, господи... (Крестится.) Отче наш, иже если на небеси... великий и справедливый... Не правда ли, господи, ты справедлив, ты справедлив, ты справедлив! (Поправляет галстук и уходит.)

Валерия (Альфреду). Сколько ему уже было, маленькому Леопольду?

Альфред. Да он был уже вот таким...

Валерия. Мои самые искренние соболезнования.

Альфред. Спасибо. (Вынимает деньги из кармана.) Вот. Я вчера поставил по телеграфу в Мэзон-Лаффите и выиграл... Хотел вручить своему сыну сорок восемь шиллингов...

Валерия. Мы поставим ему красивый памятник. Может быть, молящегося ангела.

Альфред. Я ужасно опечален. Нет, правда. Я даже сейчас подумал... Без детей жизнь как будто кончается. Просто

вымираешь, без продолжения. Жаль! (Медленно уходит с Валерией.)

Марианна. Когда-то я спрашивала бога, что он задумал со мной... Но он не ответил, иначе меня бы здесь уже не было... Он вообще мне ничего не ответил... Хотел мне сделать сюрприз... Тьфу!

Оскар. Марианна! Не кощунствуй!

Марианна. Тьфу! Тьфу! (Плюет. Пауза.)

Оскар. Марианна. Бог ведает, что творит, поверь мне.

Марианна. Мальчик мой! Где ты теперь? Где?

Оскар. В раю.

Марианна. Не мучай меня...

Оскар. Я ведь не садист! Я только хотел тебя утешить... Ведь твоя жизнь еще вся впереди. Ты только начинаешь. Бог дал, бог взял...

Марианна. У меня он только берет, только берет...

Оскар. Бог — это любовь, Марианна... И кого он любит, того не щадит...

Марианна. Меня он бьет, как собаку!

Оскар. Что ж! Значит, так нужно.

Бабушка в домике играет на цитре «Сказки Венского леса» Иоганна Штрауса.

Марианна, я тебе уже говорил — никогда не пожелаю тебе пережить то, что ты мне причинила... И все-таки господь оставил тебе людей... которые любят тебя... Даже теперь, после всего, что случилось... Я ведь сказал тебе однажды, Марианна, от моей любви ты не уйдешь...

Марианна. Не могу больше. Не могу больше...

Оскар. Тогда пошли... (Поддерживает ее, целует в губы и медленно уходит с ней.)

А в воздухе гомон и гул, как будто небесный струнный оркестр играет «Сказки Венского леса» Иоганна Штрауса.